

Ирина
Волчок

ИЗ ЖИЗНИ НЕПРОДАЖНЫХ

Все люди – разные

Ирина Волчок

Из жизни непроданных

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

Из жизни непроданных / И. Волчок — «Издательство АСТ»,
2020 — (Все люди – разные)

ISBN 978-5-17-123558-1

Независимая пресса – это миф, в который никто не верит. Никто, кроме тех, кто умеет быть независимым. Несмотря на преследования, финансовые трудности, непонимание успешных приятелей, несмотря на явные угрозы, сфабрикованные обвинения и выстрелы из-за угла. Непроданным жить трудно. И было бы совсем невозможно, если бы именно у таких людей не было могучей поддержки настоящей любви, настоящей дружбы и настоящей веры в справедливость.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123558-1

© Волчок И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Волчок

Из жизни непроданных

© И. Волчок, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

– Да что ж это такое?! Что ты выдумываешь?! – Лана в негодовании повернулась от плиты. С ложки на пол плюхнулась клякса жидкой каши.

– Ни-че-го, – раздельно произнёс Олег. Впечатал в стол стакан с остатками сока и, так же впечатывая подошвы в пол, ушёл из кухни.

Хлопнула входная дверь.

Расстроенная и растерянная, Лана села на краешек кухонного дивана, так и держа в руке ложку, и всерьёз задумалась: с чего бы это Олег нынче так суров? Все это продолжение с утра пораньше вчерашней сцены ревности выглядело по крайней мере нелепо. Олег никогда ее не ревновал. Некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют. Ревнует – значит любит. Лана точно знала, что муж ее любит, и без таких экзотических доказательств, как ревность, вполне обошлась бы. Главное – с какой стати?! Ну, вьётся вокруг нее этот мальчишка, ну, смотрит преданными собачьими глазами... На взгляд Ланы, поведение мальчишки ничем особо не отличалось от поведения всех стажёров, которые приходили в газету. С новыми сотрудниками работала именно Лана, можно сказать – курировала молодёжь, так что в элементах их бескорыстного подхалимажа не было ничего удивительного. Сто раз так было. И еще сто раз так будет. И ни разу Олег даже внимания не обращал на то, кто там вокруг нее вьётся и как там на нее смотрят. А в этот раз не просто обратил внимание, так еще и выразил свое недовольство. В ответ на его недовольство она выразила свое. Наверное, это было неправильно. Вчера он замолчал и промолчал весь вечер. Лана значения этому не придавала. Думала, сном глупости уйдут, утро вечера мудренее. А он с утра пораньше – по второму кругу: зачем смотрела, да почему поощряла, да почему не поставила на место... Главное – абсолютно на пустом месте! Обидно. Совершенно непонятно, почему некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют...

А забытая на огне каша тем временем попыхтела-попыхтела да и подгорела. Лана наконец учуяла запах гари, кинулась к плите, выключила огонь, помешала... глянула на часы – и сердито проворчала, доставая кукурузные хлопья и молоко:

– Олег, это всё из-за тебя. Мальчишки должны сказать тебе спасибо...

Каша по утрам, особенно овсяная, была пунктиком Ланы. Она считала, что ничего полезнее овсяной каши не может быть. Сыновья, честно говоря, с этим не были согласны. Особенно младший, пятилетний Тимка.

Лана отправилась будить детей, на ходу по привычке бормоча себе под нос:

– Ну как можно так расстраивать человека перед работой!..

Перед комнатой мальчиков она остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула и, вроде бы обретя душевное равновесие, осторожно открыла дверь.

Не раздвигая плотных клетчатых штор, которые так надёжно охраняли уют от ноябрьского хмурого утра, Лана включила настольную лампу. С верхнего яруса кровати слышались возня и басовитое ворчание, из подушки нижнего вынырнула белобрысая взлохмаченная голова, огляделась бессмысленными синими глазами и опять нырнула в подушку.

– Вставайте-вставайте, сони! – бодрым голосом сказала Лана.

Голова Тимки снова вынырнула из подушки.

– Мам! Я в сад не пойду! – тревожным шёпотом ответил он.

– Это почему же? – Лана села на его кровать, выгребла Тимку из-под одеяла, прижала к себе, тёплого, душистого и уютного.

– А чего эта Беляева на меня смотрит! – проворчал Тимка, удобнее устраиваясь на коленях у матери. – Она так смотрит, что я чаем попёрхиваюсь...

– Это кто там с утра канючит? – раздался сверху презрительный ломкий басок, и еще одна белая голова, только побольше, нависла над ними. – Кто хвалился, что супермен? Супер-

мены на девчачьи взгляды плевать хотели... – Четырнадцатилетний Платон спрыгнул с верхнего яруса и дёрнул младшего за хохолок на макушке. – Let's take the cold shower!

Тимка беспомощно покосился на Лану:

– Чего он, мам?

– Водичкой холодной обольёмся, говорю! Давай заползай! – Платон сел на кровать к брату и подставил спину.

– Ма! Не хочу-у, – заныл Тимка, но Платон (в обиходе Тошка, Платоша и так далее, в соответствии с моментом) уже подхватил его под попку и взгромоздил к себе на закорки. – O! Sorry! Hi, ma!

– Доброе утро, – ответила Лана и потрепала его жёсткие волосы. – Сходил бы ты с братом постриться.

– Угу, – кивнул Платоша и через плечо глянул на братишку, с самого утра недовольного жизнью. – Всё, начинай дрожать. Поехали!

Через минуту донёсся шум льющейся воды, Тимкин визг и Тошкино уханье: братья принимали холодный душ.

В детском саду, как всегда по утрам, слышны были рёв и крики: «Мамочка, не уходи!» – это из младших групп. В Тимкиной средней группе передевались сопя и хмурясь, но уже не ревели. Пока Тимка облачался в шорты и сандалии, хорошенькая как кукла Аллочка Беляева выскочила из игровой и молча уставилась на него чёрными глазищами. Тимка торопливо натягивал шорты и гневно сопел, косясь на девчонку. Надо вмешаться...

– Аллочка, что же ты со мной не здороваешься? Доброе утро, – сказала Лана.

– Доброе утро, – пробормотала та и быстро ретировалась обратно в игровую.

– Всё равно смотреть будет, – обречённо буркнул Тимка и горестно вздохнул.

– Тим, – Лана невольно тоже вздохнула и села на длинную скамейку рядом с сынишкой. – Она просто хочет с тобой подружиться, а как – не знает. Ты сам к ней подойди, какую-нибудь игру ей предложи. Вот увидишь, всё сразу наладится! Мальчишки всегда должны первыми к девочкам подходить.

Тимка помолчал, повозил ногами по полу, хмуро спросил:

– А если я с ней дружить не хочу?

– Точно – не хочешь? Гм... Тогда терпи ее взгляды без нытья, что поделать. Но ты все же подумай: может, не так уж ты с ней не хочешь дружить? Подумай-подумай. – Лана поцеловала сына в макушку и поднялась со скамейки. – Мне пора. Иди к ребятам. Тошка тебя заберёт в пять.

Тимка молча кивнул и неохотно побрёл в комнату.

У сына проблема! А что делать в таких случаях, она не знала. Стыд и позор. По дороге в редакцию она еще немного поломала голову над тем, как быть с Тимкой, а потом незаметно стала думать о своей утренней стычке с мужем. Конечно, это была не первая ссора, за пятнадцать-то лет жизни! Но чтобы из ревности, да еще к кому... Разумеется, она внимательно отнеслась к этому Серёже. Она всегда очень внимательно относилась к практикантам. А этот – совсем мальчишка, чуть старше Платона. Вырос в интернате. Кто же не знает, какие перспективы обычно у детей, выросших в интернате? А он сам в университет поступил. Значит, и характер, и способности есть. И попал с корабля на бал: утром вышел на работу – а вечером банкет.

Она вообще не замечала, что этот мальчик оказывает ей особое внимание. Вчера не замечала. А сегодня вдруг подумала, что весь вечер он ел ее глазами, как... Беляева – Тимку! Смешно. Но она-то в чем виновата? В том, что пару раз потанцевала с ним? Она со всеми танцевала – и с Костиком, и с Сашкой, и с дядей Борей... А потом все вдруг заметили, что

Олег молчит, над шутками не смеётся и вообще... закаменел. Таким от него холодом повеяло, что все сразу протрезвели – и по домам, по домам...

От этих мыслей Лана так расстроилась, что чуть не проехала остановку возле старого, солидного дома, где они арендовали половину третьего этажа под редакцию. Как всегда торопливо взбегая по ступенькам, она вдруг резко притормозила у большого зеркала между этажами: из его глубины на нее смотрело такое юное, длинноногое, белобрысо-стриженое, глазастое... Практикант ее просто за свою ровесницу принял, – вдруг догадалась Лана. И насмешливо подмигнула своему отражению: вот бедняга, как потом, наверное, переживал! Когда узнал, сколько ей лет и сколько у нее детей. И сколько лет старшему... В том, что Олег сердится, нет ничего хорошего, конечно... Но в том, что его жена так выглядит, нет ничего плохого.

Олег оценивающим взглядом обвёл своих коллег, полукругом сидящих у его стола. Не выпались, конечно, после вчерашнего. Ну, ничего, взбодрятся. Повод для праздника был, на его взгляд, серьёзный: четыре года «Объектив» продержался, не сдав позиций газеты непредвзятой и непроданной. Это в наши-то дни!

– Ну что ж, начнём. Как идёт новый номер, Борис Викторович? – обратился он к своему пожилому заместителю.

– Вроде в графике идём, – осторожно ответил тот. – Тринадцать полос свёрстаны, третья и пятая ждут досылов, на первую делаем коллаж к Таниной статье о сносе исторического памятника.

– Только у меня проблема! – подскочила с дивана кругленькая и упругая, как мяч, Татьяна Мальцева. – Мэр комментарий давать ни в какую не хочет! Ускользает и ускользает... А весь город гудит, что у него в этом сносе на Котельной большие личные интересы.

– Твоей статье его отказ не повредит. Назови ее «Молчание»...

– «Молчание – золото!» – уловила мысль Олега Таня.

– «И»! – подал голос Саша, отрываясь от перешептываний с симпатичной соседкой.

– Что «и»?

– «И золото»...

Таня пошевелила губами, словно пробуя, какой заголовок вкуснее:

– Нет, без «и» точнее.

– Саша, твой материал продвигается? За тобой двести строк, – напомнил Борис Викторович.

– А я, кажется, опять на сериал иду, – ответил, вставая, Саша. Полностью его звали Александр Матросов – не больше и не меньше, – и читатели старшего поколения думали, что это псевдоним: каждая статья была броском на амбразуру.

– Но первую серию ты сдашь сегодня, – слегка нервно то ли попросил, то ли приказал Борис Викторович.

– А кто закрывает дыру на пятой? – спросил Олег, бегло просматривая вёрстку.

– Я... – тихо произнесли сбоку.

Олег покосился в ту сторону: практикант.

– О чём пишете?

Олег сам заметил, как голос его заметно похолодел. Он не понимал, почему именно этот мальчик вызвал у него такую ревность. Но почему-то вызвал. И со своей неприязнью Олег еще не справился.

– Для вас, Серёжа, я Светлана Платоновна, – неожиданно подала голос Лана.

Олег бросил на нее странный взгляд. Ага, не ожидал от нее такой строгости. Остальные тоже посмотрели с некоторым удивлением: все привыкли, что Лана – это Лана, а не какая-то Светлана Платоновна. На миг Лана почувствовала себя как-то неудобно, но заметила, что глаза Олега слегка оттаяли. Хорошо.

– Так что вам Светлана Платоновна посоветовала?

– Ну, это... Покритиковать новый памятник, – понутив голову, прошептал практикант.

– Это на привокзальной площади? А не боитесь, что губернатор обидится?

– Да? Нельзя? – совсем смешался тот.

– Гм... Пишите, посмотрим, что получится. Борис Викторович, у вас будет чем заменить, если что не так? Ну, всё на сегодня. По местам – и чтобы никакого пива в редакции!

– Да знаем, знаем, не будем, – вразнобой загомонили сотрудники, толпой выходя из кабинета.

Олег проводил их взглядом и вздохнул. Он завидовал им: вот сейчас кто с «лейкой и блокнотом», то есть с их цифровыми потомками, рванёт на задание, кто – атакует нужных людей по телефону, кто – сядет за компьютер. Как он все эти дела любит! А руководить – нет, не очень. Столько приходится дел улаживать, документов подписывать... Да и в суды то и дело вызывают...

Ну да ничего, он костыли ляжет, но его газета останется и дальше такой: непредвзятой, непродажной и – не падкой на дешёвые сенсации. Его газета останется по-настоящему независимой... Но как можно в наше время быть не зависимым от финансов?

Вздохнув еще раз, Олег рассовал по карманам необходимые мелочи, проверил, на месте ли ключи от машины: пора было ехать на еженедельное совещание у губернатора. Ничего не поделаешь, он туда сам напросился. Его как хозяина и редактора независимого издания на эти планёрки не приглашали. Но надо быть в курсе того, что происходит в верхах. Сколько острых тем он вынюхивал на этих планёрках! И завидовал тем из своих ребят, кто брался их раскрывать.

Даже Ланке завидовал. Он, как никто другой, понимал ее нежелание «идти вверх по служебной лестнице». Он иногда подступался к ней с предложениями занять хотя бы должность редактора отдела, но она – когда смеясь, а когда и довольно резко – отвечала одно и то же:

– Самая высокая должность в журналистике – репортёр!

Ее рубрики назывались «Кто виноват» и «Что делать». Она описывала две-три реальные истории людей, попавших в одинаковые ситуации, и рассказывала, как из такой ситуации можно выйти грамотно и с наименьшими потерями. Конечно, читатели ждали ее публикаций, звонили ей и писали письма.

То, что Ланка могла работать в свое удовольствие и ей никто не связывал крылья, было важно для Олега.

Было важно и то, что в его газете отсутствовали реклама и прочая ложь.

И всё же... И всё же вот уже пять лет, как его мучает вопрос: правильно ли он сделал, что принял Пашино предложение?

Глава 2

Как всё начиналось

– Опять ты моё задание не выполнил! Я тебе что сказал? Нужна рекламная статья, написанная так, словно и не рекламная. Ты же мастер слова! А ты что принёс? Крамолу! На спонсора!!! – распекал Олега редактор «Новостей России».

– Пётр Гаврилович, как можно писать хвалебные статьи об учреждении, где сотрудникам больничные не оплачиваются?! Там на КЗОТ плюют! – возмущался Олег.

– Олег! Оле-ег! Охолони... Нельзя жить в доме из навоза и благоухать французским парфюмом, – говорил главный. – Чего ты хочешь? Прошлые разоблачили уже. А нынешний день пусть потомки разоблачают. Лицом к лицу лица не увидеть... Ладно, иди.

Главный устало махал рукой и садился вычёркивать из Олегова материала «крамолу».

Дальше от спонсоров – больше правды. Олег тогда спасался командировками. Часто ездил. Однажды поехал в Сибирь. Есть такой штамп в журналистике: «Письмо позвало в дорогу». Вот Олега и позвало.

Автор письма, некий Семён Прокудин, писал о том, как он в начале девяностых взялся поднимать захудалую ферму, как трудно, потом и кровью, оживлял хозяйство, а через год ожившее хозяйство у него отобрал наглый «браток» – угрозами и чуть ли не пытками.

В сибирской глубинке Олег еле отыскал малолюдную деревушку. Добирался до места трудно. Последний десяток километров ему повезло подъехать на попутном «козлике». Разговорчивый водитель рассказал, что едет к тётке Марине за самогонкой к свадьбе дочери. «Уж она такую знатную делает, на травах – и вкус что надо, и похмелья никакого». Он высадил Олега у осевшего домишки, где обитал Прокудин – худой, всё время шмыгающий носом мужичок неопределённого возраста. Жил он один. Скотины не держал. А в письме писал о том, что очень любит домашних животных, что своих коров содержал «как деток родимых». Услышав, кто и зачем пожаловал на его подворье, Семён засуетился, как вспугнутая курица. Рассовывая по углам какой-то хлам с лавки и переставляя со стола на печурку грязные миски и стаканы, скорее удивлённо, чем обрадованно, бормотал: «Вот уж не ждал, вот уж не ждал». Наконец уселся и замер, глядя на Олега сорокаградусными голубыми глазками.

Это длилось долго, и Олег понял, что надо брать инициативу в свои руки. Он сел на расшатанный табурет, достал письмо и показал его хозяину:

– Вы писали?

Прокудин снова засуетился, зашмыгал носом, зашнырял глазами.

– Ну, дык это... ну... Ну да, я...

– Содержание письма помните? Здесь всё написано так, как было на самом деле?

– А как же, а как же... – забормотал Прокудин. – Да, так... эксприатор он... Слушай, корреспондент, ты это... у тебя, ну... Выпить с собой? – Последняя фраза была сказана более уверенным, даже наглым тоном.

– Нет, выпивки с собой не ношу.

Семён, казалось, безмерно удивился:

– А как же... это... как же говорить будем? У меня ни капли нету.

Олегу стало неловко и противно одновременно.

– Где у вас можно купить выпивку? – спросил он, вставая.

Хозяин немного помялся и предложил:

– Дык... это... Ты дай деньжонок, я сам достану.

– Нет, мне это лучше сделать самому, – сказал Олег, вспомнив про тётку Марину.

Прокудин разочарованно посопел, похлопал глазами, с подозрением глядя на Олега, потом махнул рукой:

– Ну чо ж, лады... Ты ж вернёшься, а? Не смоешься? Ну, иди уж... Я ждать буду...

Двор тётки Марины, не в пример Семёнову, был ухоженным, с палисадничком, с крашенными зелёной краской деревянными настилами. Изба тоже была добротная, большая, с резным навесом над крыльцом и резными же наличниками.

Олег постучал в дверь, услышал: «Чо барабанишь? Входи!» – и вошёл в просторные сени, пропахшие бражкой и травами. Занавеска на двери откинулась, в проёме появилась большая краснолицая женщина лет сорока пяти в цветастом ситцевом платочке, повязанном низко на лоб, в пёстрой юбке, в кофте толстой вязки и в шерстяных носках.

– О, да тут заезжие пожаловали! – без удивления сказала хозяйка, в широкой улыбке показывая белые крепкие зубы. – Ну, заходи, коль нужда во мне...

– Простите за вторжение, меня зовут Олег Дмитриевич. А вы, я знаю, Марина, а по батюшке?

– Карповна я. Да ты садись, Олег Дмитрич. – Марина Карповна уже доставала из печи горшок, выкладывала из него в расписную миску маленькие толстенькие пельмени. Поставив на стол миску, тарелки, вилки, рюмки, какие-то баночки, вынула из холодильника запотевшую бутылку с содержимым цвета бледного чая, поставила в центр стола. – Садись, Дмитрич, садись, сейчас мы с тобой за знакомство выпьем-закусим, а там и поговорим.

Олег покопался в своей сумке, вытащил начатую палку сырокопченой колбасы, пару апельсинов, плитку шоколада, баночку растворимого кофе, с поклоном положил все это перед хозяйкой:

– От нашего стола вашему столу.

– Это ты брось! Самому понадобится! – Марина Карповна широким жестом сгребла Олеговы припасы обратно в сумку.

Но Олег, укоризненно покачав головой, опять достал апельсины, шоколад и кофе.

– Упрямый, – одобительно сказала хозяйка и поставила на плиту чайник.

Спиртное Олег пил редко и в малых дозах, по необходимости – компанию поддержать или еще какая оказия. Тяги к алкоголю не испытывал. А здесь под необыкновенно вкусные пельмени опрокинул три рюмки фирменной настойки, которая и вправду пила лучше любого коньяка. Марина, не забывая потчевать, расспрашивала гостя:

– Я слыхала, ты из самой Москвы? Корреспондент, говорят... К Семёну, чо ль?

Олег только кивал, бросая в рот пельмень за пельменем, политые необыкновенными самодельными соусами, которые оказались в тех самых баночках.

– Ну, а теперь и кофейку можно. Тебе сколь ложек класть?

– Две, Марина Карповна. И без сахара.

– Я тоже такой пью. – Она залила гранулы кипятком и с наслаждением вдохнула пар. – Вот дух-то райский!.. А тебе, надо думать, курить пора? Да ладно, тут дыми, не махру, чай, смолишь...

– Спасибо, Марина Карповна. – Олег с удовольствием закурил. – А вы только растворимый кофе любите или и натуральный пьете?

– Да любой, лишь бы свежий! Только у нас залёживаются кофеек в лавке, мало любителей-то...

– Я вам обязательно пришлю настоящей арабики, как только в Москву вернусь.

– Ну вот еще! И не думай, – смутилась Марина Карповна. – Расход какой... За что ж мне подарки такие-то? Или тебе надо чего? Зачем-то ведь приехал?

– Ладно-ладно, успокойтесь, – засмеялся Олег. – А что касается цели моего приезда, вы правильно догадались, я из-за Прокудина здесь. Он нам жалобу прислал, будто бы у него ферму силой отобрали.

– Чо? Во врёт – и не краснеет! Да он ту ферму пропил за полгода! Тот парень незнамо за чо и деньги-то заплатил... Ты его, Сеньку, не больно слушай, халявщик он, так и знай. Видала

я, к нему тут на иностранных машинах-то ездили... А после денежки объявились, он ко мне зашастал за первачком... Я ведь не дрянь всяку гоню, а настойки делаю на травах, можно сказать, целебные. Мне секреты от бабки моей перешли. Да толь у нас в деревне мужиков питающих шибко много развелось, чо я на них добро переводить буду? Я им самогонку продаю. Осуждашь? – вдруг остро глянула она на Олега.

Олег смутился. Наверное, должен осуждать – но почему-то не только не осуждает, а... нравится ему у Марины Карповны, симпатичный она человек.

– Ну, понятно, – улыбнулась она, хотя Олег ни слова не сказал. – Я сейчас, погоди маленько...

Куда-то вышла, через пару минут вернулась с бутылками в руках: в одной – пластиковая, из-под какой-то газировки, в другой – красивая, тёмного стекла.

– Вот эту Сеньке снесёшь, – протянула она пластиковую бутылку с мутноватой бесцветной жидкостью. – А это тебе, в Москву свежи да друзей хороших от меня попотчуй. Да не доставай ты деньги! Это угощение.

Олег оставил Марине Карповне свой адрес и телефон, пригласил приезжать в гости, с сожалением распрощался и наконец пошёл к дому Семёна. Тот ждал его у калитки, уцепившись за перекошенные досочки не слишком чистыми руками, нервно облизываясь и помаргивая слезящимися глазками.

Олег вручил ему бутылку и спросил, как добраться до фермы.

– Дык а... говорить будем? – Прокудин показал глазами на бутылку, которую бережно и нежно прижимал к груди.

– Да что говорить... Вы обо всем написали. Теперь послушаю другую сторону.

– А-а!.. Дык поздно уже ехать. Ты переночуй у меня, а утром туда за молоком машина поедет.

Олег представил себе, как будет спать в вонючей избёнке, и пожалел, что не напросился на ночлег к Марине Карповне.

– Где у вас местная администрация... то есть контора или правление?

– Дык прямо иди, в конце улицы контора будет. Только там один сторож щас... Может, проводить? Я могу, что ж...

– Нет уж, я лучше сам, – не очень вежливо отказался Олег, торопливо попрощался, повернулся и зашагал прочь.

Кое-как продремав на лавке в предбаннике конторы, куда пустил его сторож, Олег ранним утром на молоковозе подъехал к ферме.

Раньше ему не приходилось писать о сельском хозяйстве. И на фермах бывать тоже не приходилось. Горожанину в нескольких поколениях вид раскисших весенних дорог, коров, месящих грязь в стойлах, запахи навоза и силоса показались малопривлекательными. На территории фермы, состоящей из нескольких убогих, на взгляд Олега, строений, возились одетые в резиновые сапоги и телогрейки мужики. Он спросил одного из них, как ему найти Павла Стечкина, и тот зычно крикнул: «Паша! По твою душу!» Из ближайшего строения появился огромный парень в поношенном камуфляжном костюме, с вилами в руках.

– Ну? Чо надо? – недовольным тоном человека, которого отвлекают от важного дела, пробасил он.

Олег шагнул к нему, представился, протягивая руку:

– Корреспондент «Новостей России» Олег Камнев. По вашу душу, как вас уже информировали.

Парень тщательно обтёр свою лапищу о штаны, сжал ладонь Олега и энергично потряхнул. Олег едва сдержался, чтобы не охнуть, – силища у парня была необыкновенная.

– Из самой Москвы, чо ли? – широко, белозубо улыбнулся «эксприатор», как называл его Прокудин.

– Жалуются на вас, приехал за правдой, – невольно улыбнулся в ответ Олег.

– Еще и в столицу затеялся жаловаться, тля зелёная! – беззлобно ругнулся Павел. – Слышь, москвич, ты походи тут, погляди, как мы живём, а мне телятам насыпать надо. Управлюсь – найду тебя, обустрою с дороги.

Олег выбрался со двора фермы, и его повела утоптанная тропинка. Земля одевалась первой весенней зеленью, и он с наслаждением вдыхал ее запах. Тропинка взобралась на пригорок – и внизу Олегу открылось большое круглое озеро. Полуденное солнце искрилось на воде, вытапливало последние островки льда. Олег присел на большой, выглаженный, наверное, многолетними посиделками валун...

Здесь и отыскал его через некоторое время Павел.

– Чо, москвич, нравится у нас? – Павел хозяйским жестом с гордостью раскинул руки. – Красота! Воздух пить можно... Я, когда это озеро увидел, сразу сказал: здесь жить будем! Ну чо, пидэмо куштуваты?

Олег с интересом поглядел на него:

– Ты кто? То «чокаешь», как сибиряк, то «хекаешь», как украинец, да еще и словечки украинские...

Павел хохотнул и произнёс какую-то гортанную фразу.

– А это на каком? – спросил Олег.

– Это на афгани. Вернее, не на афгани, а так... – Павел смущённо хмыкнул и объяснил: – У меня врождённая способность к подражанию. Как у скворца или... попугая. Где живу, там и нахватываюсь – и словечек, и акцентов. Это абсолютным музыкальным слухом называется. А вообще я русский, просто вырос на Украине, в Николаеве, – знаешь такой город? Мой батька долго там служил. Он военный лётчик у меня.

– Мой тоже лётчиком был. Испытателем.

Они посмотрели друг на друга с откровенной симпатией.

На издавшем виды «козлик», близнеце того, на котором Олега подвёз к Прокудину словоохотливый шофёр, приехали в село, прошли в бревенчатый дом, добротный, но далеко не новый.

– Хозяйка моя на ферме, так что кормить я тебя сам буду, – сказал Павел, выставляя из холодильника тарелки с нарезанным розовым салом и деревенской колбасой. Задумчиво постоял и решительно захлопнул дверцу старенького «Минска». – Ты извини, москвич, выпивать вечером будем, лады? У меня еще дела на ферме. А пока давай, чем богаты...

Павел, достав из печи чугунок, стал разливать по глубоким тарелкам щи. У Олега, ранним утром выпившего одинокую чашку холодной водицы – кофе-то он Марине Карповне подарил! – аж голова закружилась.

– Ух как пахнет! А я только вчера впервые увидел русскую печь. И еду из нее впервые попробовал.

Павел взглянул на него с добродушной иронией:

– Темнота столичная! Да уж, в ваших ресторанах такого никогда не приготовят. А тут Алёнка еще и картошечки натомила – с салцем, с лучком... Ты погоди, она вечером еще шанежек напечёт – тогда скажешь. Что медлишь? Давай, садись.

– Павел, а где твое «чо»?

Так я с москвичом г'ва-арю, – подчёркивая твёрдое «г» и растягивая «а», объяснил Павел. – Абсолютный слух, что поделаешь...

Во время обеда они почти не говорили, потом так же молча одновременно закурили, и Павел, пристально глянув на Олега, сказал:

– Спрашивай.

Олег нашёл в сумке прокудинское письмо и молча протянул его Павлу. Тот прочитал, с досадой помотал русоволосой головой.

– Зачекай хвылечку... – вернул письмо Олегу и скрылся за плотными пёстрыми шторами, отделяющими кухню от «залы». Через минуту вернулся, сел, развязал тесёмки потрёпанной папки с надписью «Дело №».

– Тут, москвич, не всё так просто. Вот смотри, ферму эту я выкупил, правда, не за большие деньги, но по всем законам. И то, что я купил, слова доброго не стоило. При Советах нормальное хозяйство было, небольшое, но отлаженное. Но потом быстро пришло в упадок, запустело: народ кто в челноки подался, кого за счастьем в город потянуло, кто спился совсем. Тогда-то Прокудин ферму и приватизировал. Как уж это ему удалось – не знаю, не вникал. Только повёл он дело, на мой взгляд, странно: коров перерезал и мясо продал, а тех, кто под нож не сгодился, – голодом уморил. Такой вот фермер... В общем, к тому времени, как мы с женой приехали, Прокудин был гол как сокол. А нам место сильно приглянулось, я говорил уже. Я, как отвоевал в Афгане, к родителям вернулся, они тогда уже в Подмоскovie жили. Тут меня с Алёнушкой судьба свела. И вот женился я, а работы путной не найду никак. Пробовал и охранником, и телохранителем – не могу, в лом... А больше – ну ничего, хоть наизнанку вывернись! Алёнка и говорит: поехали на мою родину. Я потосковал-потосковал да и согласился. Так что ферму эту я законно приобрёл, и врёт Прокудин про угрозы, он мне ее с радостью отдал, еще и «спасибо» говорил.

Олег слушал, просматривая бумаги.

– Вот тля зелёная! – вспомнил своё любимое ругательство Павел. – Ведь только на ноги вставать начали, кредиты возвращать! Народ поверил, потянулся работать на ферму. А тут эти дела пошли! Ты думаешь, это Прокудину надо? Нет, москвич, тут люди покруче интерес имеют... А Прокудин что – он теперь за поллитру на всё готов. Мне его, дурака, даже иногда жалко, скоро человеческий образ совсем потеряет. А надо это олигарху одному, ему места здешние приглянулись – и лес, и озеро, рыбалка отличная. Он ко мне подъезжал: отдай, мол, землю под усадьбу... А мне самому здесь по душе. Понятное дело, не согласился... Он здесь виллу отгрохает, пляжи с лодочными станциями заведёт, заборов понаставит, а люди к нему в услужение пойдут? А они, мужики здешние, даже пить стали меньше, а бабы рады как! Думает, если олигарх – так все может? Работу мою угробить? Жизнь мою всю переломать?..

Павел разволновался, заходил широким шагом по кухне, натываясь на стулья и табуретки. Олег сидел, уставившись на крохотную дырочку в клеёнке и куря сигарету за сигаретой. Он чувствовал, что предстоит очень нелёгкая борьба. Он уже твёрдо знал, что обязательно будет бороться на стороне этого парня. Только бы Ланка его поняла и поддержала, только бы она не испугалась... Ей ведь рожать скоро.

А дальше был очень тяжёлый год. После первой статьи Олега подожгли ферму Павла, только половина стада уцелела. После второй статьи Олег получил пулю в лёгкое, чудом выжил. После третьей статьи Павлу устроили автомобильную аварию. И опять только чудом можно объяснить то, что Павел остался жив. А потом – то ли олигарх нашёл себе землю получше, то ли понял, на чьей стороне Бог, то ли все-таки восторжествовала законность – Стечкина оставили в покое и даже выплатили моральный и материальный ущерб. Павел тогда приехал в Москву, повёл Камневых в ресторан.

– Москвич, – сказал он тогда, – не знаю, как ты на это посмотришь, но я считаю, что у нас с Алёнкой родни прибавилось. Кровной! И долг за мной огромный. Дай только на ноги как следует встать...

Спустя несколько лет у Стечкина уже было два мясомолочных комбината.

У Олега же дела шли не так хорошо. Вернее, если посмотреть со стороны, то вроде бы грех жаловаться. Он был заместителем главного редактора «Новостей России» – одной из круп-

нейших газет страны. Однако Олега это мало радовало. «Самая высокая должность в журналистике – репортёр», – это его слова Ланка теперь повторяет.

И вот лет пять тому назад вызвал Пётр Гаврилович Олега и сказал:

– Ухожу на пенсию. Устал. Думаю, тебя поставят на моё место.

На другой день Олега вызвали «наверх» и предложили возглавить «Новости России». Олег попросил время на раздумья. «Наверху» очень удивились, но подумать разрешили.

В редакции главный ждал его в коридоре, сразу повёл к себе в кабинет, спросил с лёгкой ноткой ревности:

– Ну что, тебе дела сдавать?

– Погодите, Пётр Гаврилович, я еще не решил...

– Это как – не решил? – возмутился редактор. – Я на кого газету оставляю? Это нечестно! Ты уже давно вместо меня работаешь, я только как свадебный генерал... Да ты что?!

– Погодите, Пётр Гаврилович! Я вам честно скажу: не хочу я быть руководителем. Мне совсем не нравится в ножках у спонсоров валяться и рекламодателей обольщать. Это так далеко от журналистики...

Редактор, багровый от гнева, открыл рот, готовясь громко выразить свое мнение, как он это умел, – ох, и умел же! – но в это время заговорила по селектору секретарша:

– Прошу прощения, Пётр Гаврилович, Олегу Дмитриевичу звонят. Важный человек...

В голосе секретарши слышался почтительный трепет. Редактор трудно сглотнул, словно подавившись гневной тирадой, махнул рукой:

– Иди, беседуй со своим важным человеком. Потом договорим.

Олег снял трубку в своём кабинете.

– Слушаю вас.

– Привет, москвич! – пробасил знакомый голос.

– Пашка! Ты откуда звонишь?

– Да в машине сижу возле вашей редакции! Спуститься можешь?

...За два года до этого они всей семьёй провели отпуск в доме Павла. Этот месяц оставил неизгладимые впечатления в сердце Платоши, которому тогда было шесть лет. Павла он с тех пор обожал и без конца рассказывал всем знакомым, как они тогда с дядей Пашей, папой и Колькой, дяди-Пашиным старшим сыном, ходили рыбачить на утренней зорьке. А потом уху на костре варили – из рыбы, которую сами поймали, и уху сами варили, на костре! Как грибы и ягоды в лесу собирали, а тётя Алёна потом пироги с ними пекла, шаньги называются, – объедение... А еще у дяди Паши есть Аришка – хоть и малявка, но ничего девчонка, не вредная...

С тех пор Олег с Павлом не встречались, только перезванивались, и в конце каждого разговора Павел загадочно говорил: «Скоро приеду. Не просто так».

Ну вот, приехал-таки.

Олег схватил сумку, заскочил к главному редактору:

– Мне надо срочно уехать до конца дня!

И не слушая, что кричит Пётр Гаврилович, выскочил из кабинета, побежал вниз по лестнице, не дождавшись неторопливо ползущего лифта.

Павел ждал его, прислонясь к капоту внедорожника, словно созданного для его мощной фигуры. Потёртые джинсы, простенькая футболка – кто скажет, что это мясной магнат?

– Что-то ты бледный, москвич, – вместо приветствия сказал он, пожимая в своей медвежьей манере руку Олега. – Что, замучился писать?

– Да если бы писать, Паша! – тоже забыв о приветствии, пожаловался Олег. – Руководить замучился. А тут еще главным хотят сделать...

– Вот тля зелёная! – растерянно сказал Павел. – Тебе что, правда так в лом боссом быть?

– В лом! Не просто в лом, а... Паш, какой из главного может быть журналист? Главный деньги должен добывать. А я со спонсорами дружить не умею. Я с ними всю жизнь на ножах... Да что я тебе говорю, сам все знаешь.

Павел постоял, что-то соображая, потом, видимо, приняв какое-то важное решение, сказал:

– Ладно. Садись в машину. Поехали в кабак, там поговорим.

Олег в машину сел, но предложил свой вариант:

– И с какого перепугу я с тобой в кабак поеду, когда меня дома беременная жена и сын ждут? Поехали в Жуковское, а то Ланка обидится.

– А-а, так вы тоже прибавления ждёте? Молодцы! Только нас с Алёной вам не догнать: у нас четвёртый на подходе!

– Четырежды молодцы! Алёнка по-прежнему бухгалтерией занимается?

– А то! Кому я еще финансы доверю считать? Только Алёнке моей. Ты посиди, я тут ненадолго... – Павел свернул за угол, остановил машину и убежал.

Вернулся минут через двадцать, увешанный пакетами, с огромным букетом роз.

– А теперь подсказывай, как ехать...

– Я, Олежка, про одну газету интересную от батиной знакомой узнал... – устроившись на балконе в плетёном кресле с дымящейся сигаретой, начал главный разговор Павел. – Ее группа журналистов, можно сказать, возродила из дореволюционной губернской газеты. И больше десяти лет держались, как могли, часто без зарплат и гонораров сидели, чтобы сохранить газету как независимое издание. А потом все-таки продали свой «Объектив». Новый хозяин поставил там главным редактором какое-то чудовище болотное. А до него славная была газета. Да я привёз – и под старой редакцией, и под новой, почитаешь... Ну, так я к чему всё это... Сейчас ее можно перекупить. И ты будешь хозяином своей газеты. Хотя ты и не любишь руководить... Об этом я мечтаю с того дня, как тебя по моей вине чуть не убили. Мне, можно сказать, высшие силы такое задание дали, а сами пообещали, что ты выживешь... Ну во-от! Что не так? – видя, что Олег молчит, рассматривая кончик своей сигареты как нечто необычайно интересное, встревожился Павел. – Да знаю я, знаю, какой ты честный и щепетильный! Но и меня пойми: ты мне не только жизнь – ты мое честное имя спас! Это ничем оценить нельзя. По-честному, я тебе половину моих доходов отдавать должен. И я тебе предлагаю альтернативу: своя газета, такая, как ты хочешь. Ни под каких спонсоров ложиться не будешь... Ну чо? Согласен, чо ли?

Олег оторвал, наконец, взгляд от истлевшей до фильтра сигареты, загасил ее в пепельнице и посмотрел в глаза друга. В них было тревожное ожидание.

Олег снова опустил голову:

– Паш, я так не могу...

– Не могу-у? А под пули за меня мог? А с редактором своим собачиться за каждую строчку в тех статьях – мог? От взяток нехилых отказываться тоже мог – легко мог! – Павел замолчал, сердито пытая «Житаном», на который, уступая своему новому статусу, променял любимую «Приму». – Ладно! Ладно. Ты очень щепетильный человек, и тебе не нравится брать деньги, пусть даже у меня... У меня, тля зелёная, денег он взять не может! – вдруг заорал он так, что на балкон испуганно выглянул Платон. Павел спохватился и виноватым тоном объяснил: – Ничего-ничего, Тошка, это я бате твоему анекдот рассказываю.

Платоша испытующе посмотрел на отца и, увидев, что тот улыбается, успокоился и пошёл опять смотреть свои мультики. Зато на смену ему пришла Лана.

– Вы уже надымились или мне опять на кухню уходить?

– О! Ланочка! Ты очень вовремя! – Павел вскочил с кресла, галантно придвинул его Лане, развернув так, чтобы она оказалась к мужу спиной. – Понимаешь, Ланочка, я тут твоему мужу свой долг отдать хочу, а он... кочевряжится.

– Па-ша! Не смей напрягать мою женщину! Беременную, между прочим... – Олег сделал страшные глаза и за Ланкиной спиной показал другу кулак.

– Цыц, бумагомарака! Молчи, когда олигархи говорить с дамой хотят, – тоже притворился грозным барином Павел и, махнув на все еще грозящего кулаком Олега рукой, уставился в глаза Ланы гипнотическим взглядом: – Видишь ли, Лана, я купил газету... Молчи, щелкопёр! – прикрикнул он на открывшего было рот Олега. – Так вот, я приобрёл газету в губернском городе не так далеко от Москвы и предложил твоему мужу владеть ею и властвовать над ней, как он того пожелает. Я-то буду далеко и, кстати сказать, ни тли зелёной в журналистике не понимаю. Молчи, папарацци! – снова прикрикнул он на мотавшего в досаде головой Олега.

Лана оглянулась на мужа, он мотал головой уже ей – отрицательно.

– Не смотри ты на этого... ух! Не смотри на него, душенька! Ты меня, меня слушай!

– Ты его слушай, конечно, но попутно думай, чего этот змий библейский тебя в оборот взял, – предупреждающим тоном сказал Олег.

– А чем вам, Олег Дмитриевич, змий библейский не угодил? – ехидно поинтересовался Павел. – Или нам безгрешной жизни хочется? Ах, как я ошибся! Оказывается, надо было монастырь покупать!... Ладно, шутки в сторону... – Павел опять сделал гипнотический взгляд. – В общем, Олег станет хозяином издания, которое не будет нуждаться в том, чтобы искать рекламу или спонсоров. Можно будет писать в этой газете что хочешь и как хочешь. Ну, что я плохого предлагаю?

Теперь Павел наивно тарачил глаза, жалобно поднимал брови и растерянно разводил руками.

– Предложение твоё, Паша, просто царское, – задумчиво глядя на Стечкина, сказала Лана. – Только о каком долге ты говоришь? Олег тогда выполнял свою работу. Какие у тебя перед ним могут быть долги? Вот если бы ты и вправду отобрал у того бедняги ферму, а Олег написал бы, что ты белый и пушистый... Плату ведь именно за такие статьи берут. Но эта история не про вас. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. И поэтому спасибо тебе, Пашенька, огромное, но...

– Да вы главного не понимаете! – уже всерьёз вспылал Павел. – Вы не понимаете, что это я хочу такую газету! Я в те времена понял силу прессы, и если эта сила – вся! – будет в продажных руках – что тогда? Вы это понимаете или нет?!

На балкон снова выглянул Платон, но тут же скрылся.

– Ты не очень-то... – сказал Олег. – Не все журналисты такие продажные.

– Да ладно тебе... Вы с Ланкой вообще какие-то... не от мира сего, – махнул рукой Павел. – Я вас каждый раз вспоминаю, когда ко мне корреспонденты на интервью просятся. Я уже заранее знаю, что деньги придут выжучивать.

– Так ты решил от всех СМИ разом откупиться – приобрести Олегу газету? – насмешливо спросила Лана, обидевшись за всех коллег разом. – Ты что думаешь, это очень весело – искать спонсоров да рекламодателей, а потом розовые слюни лить про тех, кто соизволил заплатить? Гласность, свобода слова – сказкой были, сказкой и останутся... Мы, Паш, всерьёз с Олегом думаем: уедем в глушь, купим там домишко и будем жить натуральным хозяйством...

– Ох, ты моя барышня-крестьянка! – засмеялся Павел, обнимая ее за плечи. – Ты хоть раз живую курицу видела? Не замороженную, не в пакетике, а в перьях и чтоб кудахтала? Нет, ребята, вы в корне не правы и меня глубоко обижаете. – Он замолчал, задумался и привёл последний, несокрушимый довод: – Москвич! А ты представь себя на моем месте. Чо бы ты сделал?

Вот так Олег стал главным редактором и фактическим хозяином «Объектива». Фактическим, но не практическим, поскольку частично финансировал издание все-таки Павел. Иначе пришлось бы заводить в редакции рекламный отдел, et cetera, как для рифмы писал Александр Сергеевич Пушкин...

Глава 3

Планёрка в областной администрации закончилась, Олег вышел из здания и уже спускался по широким ступеням помпезного парадного подъезда, когда его окликнул знакомый голос:

– Камнев! Подожди!

Он оглянулся: его догонял сокурсник и бывший коллега Влад Петраков, на ходу застёгивая модный чёрный плащ.

– Ничего себе! Ты как в нашей глуши очутился? – пожимая Владу руку, удивился Олег.

– Забыл? Я же родился здесь! Да и дела... А твою газету я читаю, читаю. Молоток!

– Неужели доходит и до столицы?

– А то ты не в курсе! Брось, знаешь ведь, что и там твоим «Объективом» очень даже интересуются.

Олег удивился. Он знал, что его «Объектив» был нарасхват у торгующих прессой в электричках. Но от их города до Москвы электрички не ходят.

– Эксклюзив на фоне прочей брехливой лабуды, – откровенно завистливым тоном продолжал говорить Влад. – Да и журналисты у тебя... классные у тебя ребята работают. Я прямо обзавидовался.

– Аналогично, – вздохнул Олег.

– Твоего пера, правда, не хватает.

– Да некогда самому писать, – с досадой признался Олег. – Ты же сам знаешь, сколько времени на всякие оргвопросы улетает... Ну, а как твои «Прогулки по бульвару», по-прежнему процветают?

– Да... На мое счастье, интерес к сплетням и скандалам не только держится, но и растет, – грустно ответил Петраков.

Олег быстро глянул на него и отвёл глаза. Влад уже больше десяти лет был главным редактором, а с некоторых пор и соучредителем одной из самых популярных жёлтых газет Москвы.

– А пойдём в кабачок да тряхнём стариной! – с наигранной бодростью хлопнул его по плечу Влад.

Олег глянул на часы: время терпит.

– Пойдём.

Лана в это время быстро набирала текст новой статьи для своей рубрики «Кто виноват».

«Недавно ко мне в редакцию пришла молодая женщина, – писала она. – Очень симпатичная будущая мамочка по имени Антонина. И вот что она мне рассказала. Полтора года назад она окончила с красным дипломом финансово-экономический факультет нашего университета и с тех пор работает в одной известной в нашем городе строительной фирме. Всегда была на хорошем счету, ее даже в должности собирались повысить. Год назад Тоня вышла замуж, и теперь молодожёны ждут первенца. Но с тех пор как работодатели узнали о ее интересном положении, молодую женщину стали всячески притеснять, подставлять и обвинять... Короче, будущую мамочку активно “уходят” из фирмы. Однако она человек волевой, увольняться не стала, а обратилась в трудовую комиссию и в газету “Объектив”. В свете правительственных решений об улучшении демографической обстановки в стране такие факты меня, мягко говоря, удивили. Но когда я обошла городские женские консультации, всюду спрашивая сидящих в очередях на приём к врачу женщин, удивление сменил гнев. Я узнала много, даже слишком много историй о том, как поступают в частных фирмах с сотрудниками, собравшимися в декретный отпуск.

Вариантов, как “отвязаться”, просматривается несколько. Первый – сотрудницу, как Антонину, начинают “ловить” на профессиональном несоответствии, нарушениях дисциплины и так изматывают всем этим нервы, что та уходит по собственному желанию. Второй – переделывают штатное расписание так, что должность будущей мамочки становится либо лишней, либо сильно заниженной по статусу и зарплате. Третий, самый мягкий и почти законный, – сотруднице предлагают работать на полставки, тем самым уменьшая ее будущие декретные выплаты.

На днях молодая пара пригласила меня в кафе – отпраздновать сомнительную победу: трудовая комиссия вынесла решение наложить на администрацию фирмы штраф.

– Сами понимаете, Светлана Платоновна, это не улучшило моих отношений с руководством. Но не дожидусь! Я с работы всё равно не увольюсь, пусть хоть сами отправятся своим ядом! Все законы на моей стороне.

– А ребёнок как же? – волновался молодой муж, работающий в другой фирме системным администратором. – У тебя вон и давление скачет, и аппетит пропал... Тонь, да ну их, увольняйся и дома сиди. Тебе что, моей зарплаты не хватает?

Судя по тому, как вздохнула Антонина, разговор этот вёлся между ними далеко не впервые.

– Нет, Макс, если увольюсь, мне покоя не будет. Я сама себя есть начну. Пусть уж лучше они... Всё равно еще месяц – и в декрет. А пока буду брать больничные. Им же хуже... А вы бы как поступили, Светлана Платоновна?

И тут я растерялась.

– Трудный вопрос... Пожалуй, самый трудный для современной женщины. С позиции неравнодушного гражданина правы, пожалуй, вы. А с позиции... семейной прав Максим: ваше здоровье и благополучие ребёнка, конечно, важнее амбиций. Тоня, а вы сегодня перед сном задайте этот вопрос своему подсознанию. Утром проснётесь с готовым ответом, вот увидите.

Так ответила я ей и сама последовала своему же совету.

И как вы думаете, что ответило моё подсознание?»

До сих пор Лана писала всё так, как было, и сейчас задумалась: открывать ли всё, что вспоминалось ей в ту бессонную ночь, или это будет нескромно, слишком лично и совсем не интересно большинству читателей?

Казалось бы, ее не коснулись подобные проблемы. Платоша появился в семье Камневых, когда она перешла на третий курс университета. Дисциплинированно дал маме сдать летнюю сессию – всю до последнего экзамена, – и только тогда ночью попросился на свет. Она даже академического отпуска не брала: летние каникулы пробыла с малышом, а потом в их большую квартиру в Жуковском, оставшуюся Олегу от родителей, переехала Ланина мама, которая была художником-иллюстратором и могла работать дома. Но в ту ночь, когда Лана спросила себя, как бы она поступила на месте Антонины, ей вспомнились подробности того, как рос ее младенец Тошка. Обязательные две бутылочки со сцеженным молоком. Его рёв и протянутые к ней ручки, когда она убегала на занятия. Как он рвался к ней и отталкивал бабушку, растерянно лепечущую что-то успокоительное... А потом не спал, пока не убаюкивал его на улице свежий воздух. А когда она, наконец, возвращалась с лекций, он снова плакал, словно жаловался ей на нее же...

А она – боже, как стыдно это вспоминать! – раздражалась:

– Ну чего ему не хватает? Чистый, сытый, обласканный...

И однажды мама, которая всегда была на ее стороне, на ее риторический вопрос ответила всего одним словом:

– Тебя.

Ух, как она тогда на маму обиделась!

– Что же мне, в клушу превратиться?! Я современная женщина, для меня работа по Призыванию не менее важна, чем семья! – кричала она, и еще что-то в том же духе.

А мама молчала и смотрела на нее странным взглядом: вроде с укором, но и с пониманием. И еще – виновато! Да, именно виновато, поняла теперь Лана. Ведь ее в младенчестве тоже отдали няньке: а как же, мама тогда входила в мир своей профессии! Она тоже была современной женщиной...

И в детский сад Тошка пошёл, когда ему еще трёх лет не исполнилось...

Удивительно, что он не стал неврастеником. Чудо просто.

В ожидании Тимоши Лана до последнего дня работала, ее увезли в роддом от компьютера из редакции. Хорошо еще, что в это же время оформлялись дела по приобретению «Объектива», потом переезд, то-се... Тимке повезло: в младенчестве мама досталась ему в полной мере... А Платон к тому времени уже учился в третьем классе. Братишку он сразу полюбил. Золотой человек их Тошка...

– Светлана Платоновна, я написал небольшой материал, почитаете? – раздался за спиной Ланы голос Сергея.

Она вздрогнула:

– Серёжа, что вы подкрадываетесь, как... привидение? Какой материал? Вашей практикой руководит Костик... то есть Константин Андреевич, к нему со всеми вопросами обращайтесь! – от испуга сердито ответила она.

– Я только вам доверяю... – вкрадчиво сказал Сергей.

Лане не понравился его тон. Она обернулась и внимательно уставилась на него. И кажется, впервые заметила: светло-каштановые кудри до плеч, золотисто-карие глаза с огромными пушистыми ресницами, тонкий румянец, а плечищи – ого-го!.. Красавец какой. Она никогда раньше не видела таких красивых парней. Наверное, и остальные эту неземную красоту видят. И Олег. Скорее всего, именно от этого у него впервые в жизни и случился тот приступ ревности.

– Сергей, вмешиваться в вашу практику с моей стороны будет просто неэтично. Что подумает Кос... Константин Андреевич? И потом, я сейчас очень занята. Простите.

И она отвернулась к экрану монитора.

Сергей еще несколько минут постоял за ее спиной, выразительно вздыхая, и пошёл в отдел к Костику.

– Странный малый, – не отрывая взгляда от своего монитора, сказала Таня. – То ли и впрямь наивный, то ли хитрый очень. Ты заметила, у него глаза рыжие. Вроде красиво, а иногда глянет – и... – Она передёрнула плечами. – И все-то он как-то исподтишка за всеми наблюдает, усмехается – заметила?

– Да ну его, Тань, еще неделька-другая, и уйдёт. Вряд ли ему предложат сотрудничество: и пишет коряво, и инициативы никакой. Только и кланчит, чтобы кто-нибудь темку подкинул...

Татьяна с любопытством посмотрела на Лану:

– А он, кажется, и вправду в тебя влюбился... Что, не волнует, ну хоть капельку, а? Не льстит? Такой юный, такой красивый!..

– Тьфу на тебя, Танька! – с досадой сказала Лана. – Что ты выдумываешь?

– Ничего я не выдумываю! Он с тебя глаз не сводит. Наверное, поэтому и писать ничего не может, что вместо компа тебя только видит...

Лана пожала плечами и недовольно ответила:

– Его проблемы. С такими младенцами случается... Тань, у меня что-то застопорилось. Может, кофейку попьем?

– Это я всегда готова. С тортиком, в бухгалтерии в холодильнике вроде бы еще оставался. Пойду проверю, а ты кофе делай.

Лана включила чайник, насыпала в кружку кофе. Притопала Татьяна, торжественно неся прозрачную коробку с развалинами шоколадного торта.

– Вот! Я же говорила!

Лана уже разливала по чашкам крепкий кофе.

– Тань, твоей Машеньке сколько лет?

– Восемь... – Татьяна слизнула с пальца крем, поставила перед Ланой блюдо с огромным куском торта. – А что?

– Куда ты мне столько! – ужаснулась Лана.

– Ну вот!.. Похудеешь тут с вами!.. – проворчала Татьяна, придвигая ей блюдо с тоненьким ломтиком, а себе забирая ее огромный кусок. – Друг называется!

– Тань, тебе худеть нельзя, – усмехнулась Лана. – Ты и в своей весовой категории... как это в психологии называется? Гиперактивная. А что будет, если похудеешь? Вихрь!

– И то верно, – вздохнула Татьяна, облизывая ложку и с воодушевлением поглядывая на остатки торта в коробке. – А чего ты про мою Машку спрашивала?

– Ты ее родила, когда училась или уже работала?

– Училась еще... – Татьяна решительно водрузила на коробку крышку и отвернулась от соблазна. – Я же на заочный поэтому и перешла.

– А если бы... ну, гипотетически... сейчас ждала бы ребёнка, а тебя всячески начали бы с работы вытеснять – как бы ты поступила?

Татьяна вытаращила глаза:

– Олег Дмитриевич на такое способен?

– Да ну тебя! Я же говорю – гипотетически.

– А-а, ты ведь про что-то такое пишешь! – догадалась коллега. И задумалась.

В задумчивости открыла коробку и начала есть торт. Лана отодвинула коробку из-под ее ложки, снова закрыла крышку и переставила торт на стол Саши Матросова. Татьяна наблюдала эту процедуру задумчиво и безмолвно.

– Знаешь, а ведь трудный это вопросец... – наконец сказала она. – Я работу свою, люблю... И детей своих люблю. Ну, Машку то есть. И если бы... А ведь я бы ушла! Но такой бы скандал учинила!..

– Это кому бы ты скандал учинила? – спросил с порога Матросов. – О! Тортик! Тань, неужели это ты мне оставила? А теперь хочешь за это скандал учинить?

– Нет, Сань, если ты быстренько проглотишь эти калории, я тебе только спасибо скажу... А скандал я бы закатила, если б мне, гипотетически беременной, начальство прессинг устраивало.

– А-а, – расправляясь с тортом, понимающе глянул на Лану Саша. – Это вы на Ланкину тему рассуждаете... А кофейку мне?

Лана снова включила чайник

...Нет, не будет она советовать будущим мамам воевать со своим начальством в ущерб здоровью – и своего, и малыша. Пусть правительство еще поломаёт голову над самым трудным вопросом: как быть современной женщине. Будущей матери в стране просто обязаны создать такие условия, чтобы она ни на минуту не чувствовала себя... виноватой в том, что решила дать отечеству еще одного гражданина. Или гражданку.

Человеческий род должен продолжаться вопреки всему. Даже недовольству работодателей.

Олег с Владом заказали отбивные с жареной картошкой и пиво – это было их традиционное меню с давних, студенческих пор.

– Недурно, – похвалил Влад сочное мясо. – Олег, я читал несколько статей твоего Александра Матросова. Это, кстати, что – псевдоним?

– Нет, представь себе – настоящее имя.

– О?! Круто... Ну так вот, он там здорово прополоскал в кипятке одного гендиректора фирмы, небезызвестной и в Москве. И я так понял, продолжение следует...

– В нашей газете никого не полощут... У нас правду пишут, – несколько натянуто возразил Олег.

– Кто бы сомневался... И все же – лучше бы вы его не трогали. Поверь мне, нехороший он человек, невоспитанный. И злопамятен зело. Может очень больно сделать в отместку. – Влад доверительно тронул Олега за плечо. – Тормозни, Камнев. Ты ведь законопослушный водила. Считаю, красный свет загорелся.

– Некорректное сравнение, Петраков. На этой дороге я подчиняюсь не правилам движения, а законам РФ. Давай выпьем за нашу неожиданную встречу... – Олег поднял бокал с пивом и внимательно глянул на собеседника. – Или как – запланированную?

– Ты что, решил?... Дурак! Я о тебе думаю. Ну, как знаешь. Хозяин – барин... – Влад помолчал немного, потом тоже приподнял свой бокал: – За твое благополучие. Дурак ты, Камень...

Еще в первые дни в университете кто-то, умничая, назвал их «однофамильцами», объяснил так: у одного фамилия Камнев, у другого Петраков – от «Пётр», что в переводе тоже «камень». Студизусы похихикали над умником, поизощрялись в остроумии, придумывая вариации на тему, но кличка «Однофамильцы» и «Два Камня» странным образом прилипла и, что и вовсе загадочно, сблизила Олега и Влада. Они были друзьями-соперниками. Вернее, Влад воспринимал Олега как конкурента и всегда для себя определял, кто кого на этот раз «переборол». У Олега тщеславие в характере отсутствовало. Как и способность завидовать. Он был прямым, открытым, может быть, даже чересчур. Влад же был прирождённым дипломатом. И в этом была странная аналогия: «Камнев – камень» – это сразу понятно, а почему камнем зовут Петракова, не все сразу понимали...

Влад болел карьерой, Олег – профессией. К тому же Камнев гораздо легче, чем Петраков, переносил недостаток денег, еды и прочих материальных благ. Был лёгок на подъем и не трус. А каким еще мог вырасти сын Героя Советского Союза, лётчика-испытателя Дмитрия Георгиевича Камнева? Звание Героя отец Олега получил при жизни. А погиб из-за дотошности: пытался до последнего понять, почему самолёт не слушает штурвала... Через полгода за отцом ушла мама: горе приняло форму скоротечного рака. Олег остался один в девятнадцать лет.

У Влада родители были в разводе. Поэтому они с Олегом часто вместе искали приработку к стипендии, а на третьем курсе уже зарабатывали гонорары в «Новостях России», куда их вскоре, еще до окончания университета, взяли штатными сотрудниками.

В середине девяностых Владу предложили возглавить новую газету с поэтичным названием «Прогулки по бульвару». Вернее, предложили сначала Олегу, но он, разобравшись в тематике издания, отказался. А Влад согласился. И сначала не жалел: появились и деньги, и положение в определённых кругах. Через несколько лет он вошёл в группу учредителей...

Теперь Влад ехал по знакомым с детства улицам, но совсем не думал о том, что вот здесь был его дом, а там, за углом – родная школа. Он ехал – и хотел, чтобы дорога оказалась раз в двести длиннее, и тогда еще долго можно не приезжать к человеку, которого лучше бы он не знал никогда...

* * *

Дважды щёлкнул дверной замок, и на пороге комнаты возникла его тётушка – роскошная блондинка с вызывающим бюстом и мощными бёдрами. Она медленно двинулась к его креслу, и при каждом ее шаге он все больше и больше сжимался, съёживался, скручивался.

– Ну, малыш, провалил задание? – мурлыкала она, приближаясь к нему вплотную.

Душный запах ее духов, казалось, забил его ноздри, горло, лёгкие. Он часто задышал открытым ртом, закашлял, из глаз градом полились слезы.

– Нет... еще... нет, – прошептал сдавленно.

– Что? – издевательски удивилась тётка. – Не может быть! Такой мачо – и облажался?! И что мы будем теперь делать? – Она вплотную приблизила к нему лицо, глазами, своими страшными глазами впившись в его глаза, вытаращенные и неподвижные от ужаса.

– Я... Я еще поста... постараюсь... Я всё сделаю! Всё! – закричал он, чувствуя, как его джинсы предательски намокают.

– Сначала постарайся не ссать в штаны! – брезгливо отшатнулась от него тётка. Отошла на середину комнаты, постояла, задумчиво постукивая длинным хищным мыском туфли о потёртый ковёр. – У меня есть для тебя другая работа. Надеюсь, с ней ты справишься. Слышишь, детка? Это последнее испытание.

Страшная блондинка ушла – и он начал представлять, как бы он ответил и что бы с ней сделал, если бы... Если бы не был таким трусом. Таким большим и красивым трусом...

Глава 4

– Ау, я пришла! Фу, Олежка, что ж ты так надымил! – с порога закричала Лана.

Олег вышел в прихожую, поцеловал жену, помог снять куртку.

– Это что у тебя за письмо? Я почту вроде всю забрал.

– А, не знаю, в ящике лежало, и адреса обратного почему-то нет. – Лана оторвала край толстого большого конверта, вытащила из него пачку фотографий – и упавшим голосом прошептала: – Олег... Что это? – Она быстро перебрала снимки. – Что это, Олег?

Фотографии отображали любовную игру пышногрудой брюнетки и поджарого мужчины, в котором Олег... вдруг узнал себя!

– Так вот почему ты меня приревновал... Потому что сам... – тусклым, как в трансе, голосом проговорила Лана.

– Не было этого. Никогда, – сказал Олег.

И так он это сказал, что Лана очнулась от транса и посмотрела на мужа совсем с другим выражением. Потом с опаской потянула из его руки один снимок, другой, третий...

– Но ведь это ты, без сомнения! Твой шрам на спине, и вот... родинка на бедре. Ты это, Олег... – Она смотрела в глаза мужу растерянно.

– Да. Это я, – так же растерянно ответил Олег.

– А женщина?..

– Женщину я не знаю.

Лана совершенно растерялась. За все пятнадцать лет их брака и мысли не было о том, что кто-то может изменить. Их отношения всегда были тёплыми и доверительными. Скажи ей Олег, что он влюбился, она бы в первую очередь подумала, как ему помочь, а уже потом – что это, собственно, значит для нее. И уж никак не сочетались с образом Олега отношения того уровня, который называется «ничего личного, просто секс». Ее вдруг повело в сторону, стало темно...

– Лана, Лань! – звал ее Олег откуда-то из-за ватной стены.

Потом пошёл дождь, и она открыла глаза. Белое как мел лицо Олега, стакан с водой дрожит в его руке, вода льётся на пол...

– Я что, упала?

– Ф-фу, слава богу, очнулась. Давай я отнесу тебя в постель и вызову «скорую».

– Ой, нет, не надо! Уколы делать будут, – по-детски испугалась Лана.

– Ну, хорошо-хорошо, сядешь в кресло хотя бы. – Олег поднял ее на руки, отнёс в комнату. – Вот так, садись. Как ты себя чувствуешь?

– Ничего... только ноги ватные и голова немного кружится.

– В лучших домах Лондона дамам в случае обморока подносили бренди... – Олег достал из бара пузатую бутылку, налил из нее немного коньяку в толстый стакан. – Выпейте, леди...

Она проглотила жгучую жидкость. В голове сразу наступила ясность, и тут же туда пришла мысль.

– Принеси, пожалуйста, снимки, они там валяются.

– Да ну их!

– Мне самой сходить?

Олег вздохнул с досадой, но пошёл исполнять приказ жены. Она взяла фотографии, внимательно просмотрела все.

– Олег, а тебе ничего не показалось в этих снимках знакомым?

– Да говорю я тебе, не было этого! Не было!

– Было, – твёрдо сказала Лана. Олег негодуя охнул и приготовился что-то говорить, но она остановила его: – Нет-нет, помолчи и послушай меня. Вот, смотри: это наш номер в

отеле на Кипре... А вон – смотри-смотри – валяются мои туфли. И еще – видишь? Это же моя сумка, я ее перед поездкой в ГУМе купила!.. – Она вскочила, кинулась к письменному столу, пошарила в ящиках и вернулась с лупой.

– Чёрт! Это нас с тобой кто-то снимал... А потом... эту бабу вставил вместо тебя?! Чёрт!!!

Олег так резко сгрёб в свои объятия Лану, что не устоял и упал в кресло, но рук не разжал. Они вдвоём оказались в тесном пространстве между подлокотниками и замерли там, крепко обхватив друг друга. Потом Лана прошептала, щекоча губами его щеку:

– Кто-то хочет нас поссорить... Кто?

– Главное – зачем? – вопросом на вопрос ответил Олег, почему-то вспоминая недавнюю встречу с другом юности.

* * *

«Кто-кто-кто, зачем-зачем-зачем», – стучал по подоконнику нудный ноябрьский дождь.

– Олечка, а может, нам просто кто-то завидует – да и все дела? – задумчиво глядя на монитор, где уже минут двадцать текст висел, застряв на полуслове, спросила Лана.

– Тогда это бабские штучки, – хмуро ответил Олег и, чуть оживившись, с надеждой добавил: – Хорошо бы...

– А если не бабские – то что? – Лана повернула крутящееся кресло так, чтобы оказаться лицом к мужу.

– Да знаешь, Лань, я и то каждый день удивляюсь, что мы еще живы-здоровы и газета выходит. Людишек-то цепляем... не бедных.

– Они сами виноваты! И потом – мы не голословно же... Факты приводим доказуемые!

– А то я не знаю...

Помолчали. Олег шуршал газетой, Лана мягко щелкала компьютерной клавиатурой. Из детской доносились взвизги Тимки и ломающийся голос Платоши: мальчишки возились в своём «спортзале».

«Кто-кто-кто, зачем-зачем-зачем», – шелестел за окнами дождь.

Лана вдруг снова развернула кресло на сто восемьдесят градусов, уставилась на мужа и с изумлением сказала:

– Нет, ты представляешь, какую работу надо было провернуть, чтобы сделать эти снимки? Ведь эта женщина позировала, а кто-то снимал... А потом корячился в фотошопе...

– Я думаю о другом: сколько времени они следят за нами. На Кипре мы были в мае, а теперь ноябрь...

– Фу, гадость! – Лана даже передёрнулась от отвращения. – Все воспоминания испохабили.

– Да, Кипр теперь закрытая тема... – грустно подтвердил Олег.

Пятнадцать лет назад

Счастье – эмоциональная категория. Анализу лучше не подвергать. Если Лане говорили комплименты о ее отношениях с мужем, она тайком скрещивала пальцы. «Тс-с!» – предупреждало что-то на генном уровне. Боги завистливы, люди поняли это еще в древние времена.

Ее подсознание предостерегающе прижимает палец к губам с момента встречи с Олегом.

– Уважаемые коллеги, думаю, все вы читали материалы Олега Дмитриевича, – сказала Людмила Васильевна, молоденькая и ироничная преподавательница истории журналистики. Сейчас-то ее ироничность спрятала иголки, уступив место волнению. – Он недавно вернулся с Кавказа, из горячей точки, и пережил там опасное приключение.

Известный журналист Камнев стоял перед ними, первокурсниками журфака МГУ, в джинсах и чёрной водолазке и хмурился. Когда Людмила Васильевна объявила, что он проведёт с ними мастер-класс, он даже поёжился – от неловкости, поняла Лана. Высокий, светлые волосы коротко подстрижены, глаза то ли серые, то ли зелёные... «Обалдеть какой мэн!» – прошептала Ланке на ухо Лялячка, самая раскованная девчонка на их курсе.

На первый вопрос о кавказских приключениях Олег сказал: «Позже. Спрашивайте о том, что касается профессии». И стал говорить о задачах журналистики, о ее возможностях... Потом кто-то задал один вопрос, кто-то второй... и они посыпались как камешки с горы. И вот наконец Олег начал рассказывать в лицах, как его пытались похитить чеченские боевики и как его отбили наши бойцы. Он чуть запнулся, подбирая слово поточнее, и в этот короткий миг прозвучал вопрос:

– Олег Дмитриевич, а вы женаты?

Конечно, это Лялька! Лана повернулась к ней, с досадой прошептала:

– С ума сошла? Дай ему дорассказать хотя бы!

Но Лялька уже встала, картинно поправила холеной ручкой свои темно-рыжие волосы и спокойным, сладким голосом, не обращая внимания на замешательство Олега, продолжила:

– Я спросила потому, что вдруг представила, как трудно быть вашей женой. И все-таки позавидовала ей...

– Совсем наглость потеряла, – диагностировал кто-то из парней.

Аудитория зашумела. Но Лялька продолжала стоять, ожидающе и зазывно улыбаясь Олегу.

– Очень своевременный и не менее тактичный вопрос, Коростылёва, – подала голос с задних рядов преподавательница. – Олег Дмитриевич, вы вправе не отвечать на него.

Олег вдруг засмеялся:

– Что вы, Людмила Васильевна, как не ответить человеку, продемонстрировавшему коллегам такой эффектный журналистский приём? – Он забавно помотал головой. – Оказывается, вот как чувствуют себя те, у кого мы берём интервью. Даёшь человеку говорить свободно, сидишь с восторженно-обалдевшим лицом... Человек расслабится, разговорится о своём, даже расхвастается, а ты ему – бац! – свой главный вопросик. На который, задай вы его в лоб, он бы фиг ответил... – Он сделал паузу и, глядя на Ляльку, сказал: – Нет, девушка, я не женат. Почему – не знаю, некогда как-то было... – И тут он почему-то быстро глянул на Лану.

А через два дня она столкнулась с ним, выходя из аудитории. Он вдруг покраснел и сказал:

– А я к вам. Может, сходим куда-нибудь?

Томная красotka Лялька стала тележурналисткой и теперь демонстрирует зрителям одного из популярных телеканалов испытанный на Олеге приём, как, впрочем, и много других. Но Олег запомнил ее не потому, что она поставила его в идиотское положение перед студентами. Он ее запомнил и был ей благодарен, потому что не будь ее дурацкого вопроса, он мог бы не увидеть свою Ланку. Он помнил, как азартно рассказывал о своём спасении в чеченских горах, мысленно удивляясь, как похоже это было на сцену из крутого боевика, но ведь все так и было! И он именно об этом хотел сказать, как вдруг его перебил томный девичий голос. Он машинально посмотрел в ту сторону, откуда голос прозвучал, и... увидел белокурую девчонку, которая с досадой смотрела на встающую соседку.

Олегу не требовалось анализировать своё отношение к жене. Оно просто возникло в тот момент – и ничуть не изменилось за все эти годы. Очень немногие люди на планете могут с полным правом сказать о своих спутниках «моя половинка». Олег был из их числа.

Они спорили. Они ссорились. Но разве человек всегда в ладах с самим собой?

Глава 5

– Сегодня ведь пятница, правда, Тошка? – надевая «уличные» джинсы перед уходом из детсада, спросил Тимка у брата.

– Ты прав, как ни странно, бледнолицый брат мой, – ответил тот, помогая Тимке надеть куртку и тёплые ботинки.

– Ура, правда? – В голосе малыша послышалось ликование.

– Еще бы не «ура», – вздохнул старший брат. – Сейчас пойдем в «Лакомый кусочек». Так что давай поторопись... Hurry up! Quickly!

Тимка засмеялся:

– Ты что, птица, что ли?

– Почему?

– Ты сказал «квик»! И про какую-то харю...

– Темнота! Я сказал «быстрее», но по-английски. Да-а, пора тебя языку учить... Ты ведь каждую вторую вывеску прочитать не можешь! А что дальше будет?

Платон еще раз вздохнул. По пятницам у его тусы всегда какие-нибудь планы, а он на сейшн или опаздывает, или и вовсе – мимо... А что делать? Сам виноват. Пару раз вышло так, что повёл брата в кафе, а мелкие – они памятливые. Теперь как пятница – так веди его в кафешку...

Они шли по освещённой фонарями и рекламными щитами ноябрьской улице. Тимка двигался вприпрыжку, то и дело тормозя и читая по складам вывески:

– Ла-ко-мый ку-со-чек... Лакомый кусочек! Пришли, Платош!

В кафе уютно пахло ванилью, былолюдно, но им повезло: любимый столик у окна только что освободился. Платон усадил брата, повесил на стилизованную под берёзку вешалку их куртки и пошёл к стойке делать заказ.

Очередь была не очень большой, но двигалась медленно. Платон, задрав голову, изучал электронное меню, прикидывая, что еще, кроме «наполеонов» и свежавыжатого сока, он может взять. Наконец подошла его очередь, он сделал заказ, расплатился и повернулся лицом в зал, поднимая руку, чтобы показать брату большой палец. Но Тимки за столиком не было. Платон обежал взглядом кафе: нет Тимки! Платон заметался между столиков, спрашивая весело болтавших посетителей:

– Мальчика... беленького такого, в синем свитере, маленького – не видели?

– Нет... Нет... Нет... – равнодушно отвечали люди и отворачивались, снова возвращаясь к своим разговорам и лакомствам...

Наконец худенькая официантка, несущая полный поднос, сказала:

– Мальчик лет пяти-шести? А его женщина увела. Минут... наверное, около десяти минут прошло. Я почему внимание обратила – она ему куртку и шапку на ходу натягивала.

– Какая... какая она из себя?

– Ой, даже не знаю, я ее только со спины видела... Ну, такая... плотная, в темной куртке и, кажется, в джинсах. Или в брюках? Шапка голову обтягивала, тёмная – волос не видно.

Да... Попробуй найти кого-нибудь по такому описанию. Невозможно даже понять, знакомый это человек или нет... Отзывчивая официантка всё что-то говорила – что-то вроде того, что у неё самой такой же сынишка и как же можно ребёнка раздетого на улицу тащить... Платон окончательно растерялся, и тут подошла ещё одна официантка.

– Что ты стоишь, треплешься, люди заказ ждут! – накинулась она на первую.

– Лид, тут такое дело... У мальчишки брата украли.

– Не гони! – вытаращила та глаза.

– Правда! Я видела, как его баба какая-то уводила, на ходу одевала.

– Так я тоже их видела! Я на улице у входа курила, а она его мимо протащила, говорила: «Скорей, скорей...» А он всё оглядывался. Она еще вроде бы говорила, что это игра, вот, мол, пусть поищет тебя... Или поищут, что-то в этом роде. Потом посадила в машину – и как рванут с места!

Платону стало ужасно жарко и сразу ужасно холодно. Трясущимися пальцами он выковырнул из кармана джинсов телефон и набрал «02»:

– Милиция? У меня брата украли...

Милиция прибыла быстро – районное отделение располагалось в квартале от кафе. Но опрос свидетелей дал только то, что Платон уже знал. Лишь официантка, которая курила у входа, добавила, что увезли мальчика на «жигулях» темного цвета. Вроде бы на «девятке». Но сколько темных «девяток» в городе!..

Милиционеры увели Платона в отделение, и плотный лысоватый капитан позвонил его родителям. Мальчику показалось, что они мгновенно возникли в дверях неуютного прокуренного кабинета. Ему и хотелось их увидеть, и не хотелось, потому что, кроме ужаса, он испытывал невыносимый стыд и чувство вины.

– Мама... Папа... Что теперь будет? Простите меня... – Платон заплакал, глядя на родителей чёрными от горя глазами.

Лана обхватила ладонями горячую голову сына, зашептала:

– Успокойся, Платоша, тише, тише...

Платон сцепил зубы, чтобы удержать позорные слезы, но упрёки, которые не высказали ему родители, всё вертелись и вертелись в его голове: как он допустил такое? Почему не стоял в очереди с братом? Или хотя бы не смотрел на него, не спуская глаз?! И больше всего было от того, что всего за четверть часа до пропажи братишки он, старший брат, думал с досадой: «Навязался ты на мою голову...»

Хоть и мало было известно об обстоятельствах похищения, Камневых продержали в отделении не меньше трёх часов. Пришлось перечислить всех знакомых, ответить на кучу разных – на их взгляд, нелепых – вопросов, написать заявление... Примиряло со всей этой процедурой одно: и капитан, и все, кто был в этом кабинете, были искренне озабочены случившимся. Напоследок капитан, которого звали Эдуард Петрович Васильев, сказал:

– На моей памяти в нашем городе детей не крали. Но сейчас обстановка в стране в этом плане сложная. Хорошо, если похитители позвонят вам в ближайшее время. Да, могут потребовать, чтобы с милицией больше не связывались. Вы выполняйте все их требования. Мы найдём способ с вами связаться.

«Хорошо, если позвонят». За этой фразой стоял чёрный бездонный ужас.

– Скорее, скорее! – торопила Лана Олега и Платона. До дома от отделения было рукой подать, но – вдруг именно в эту минуту похитители звонят на их домашний телефон?

Вот наконец поворот – и их дом. Скорее, скорее... Лифт невыносимо медленно дополз до их этажа. Лана первой шагнула в открывшуюся дверь – и замерла, вглядываясь во что-то, лежавшее у двери их квартиры. Глаза, как назло, застилала какая-то пелена, а ноги, словно чужие, не хотели сделать три шага до маленькой фигурки в Тимкиной синей курточке...

Кто-то резко оттолкнул ее в сторону. Мимо пронёсся Олег, присел, заслонив собой того, кто лежал, – и обернулся, облегчённо улыбаясь:

– Спит, просто спит, – прошептал он.

Лана не помнила, как оказалась рядом с Олегом, который уже держал Тимку на руках. Она быстро ощупала сына – жив! Цел!

– Боже, спасибо тебе!.. Пойдёмте скорее в дом! Почему он не просыпается?!

В это время пискнул сотовый Олега: пришло сообщение.

– Лан, посмотри, что там.

Она вытащила из кармана его куртки телефон, откинула крышку: «Это только предупреждение! Хотите, чтобы вас оставили в покое – звоните завтра в 14:30 (далее шёл номер телефона). В милицию больше не обращайтесь, во избежание больших неприятностей».

– Что происходит, пап? – тревожно спросил Платон.

– Если бы я знал, – ответил отец сквозь стиснутые зубы.

* * *

Какое блаженство! Он избавился, навсегда избавился от своей тётушки-мучительницы! От этой мерзкой твари с удушливыми духами! Ах, как хорошо! Жаль только, она недолго мучилась... Но ужас в глазах, которых он так всегда боялся, ужас перед ним – перед ним!.. Ах, какое блаженство!

Теперь он может делать всё, что захочет. Он – свободен.

Теперь он будет жить.

Только комп почистить – и всё!

* * *

Тимка проснулся, но глаза не открывал, лежал тихо-тихо, принюхивался... Точно-точно, пахнет домом! А не машиной и этой тёткой! Тимка чуть-чуть разлепил веки и сквозь пушистые светлые ресницы увидел... Платону!

– Тош, мы где? – прошептал он, всё еще не открывая глаз полностью.

– Дома, Тимыч, дома. Всё хорошо, не бойся!

Теперь всё и вправду стало хорошо: Тимка не только дома, но и очнулся от своего неестественного, какого-то каменного сна. Нет, не-ет, больше он от него ни на шаг. Больше он с него глаз не спустит!

– А мама и папа?

– Мы здесь, Тимоша, – услышал он мамин голос и окончательно поверил, что он дома.

– Ура! Вы здесь! – Тимка резко сел и, побледнев, снова упал на подушку. – Ой, всё кружится...

– Ты лежи, лежи, я тебе сейчас молочка принесу. – Лана погладила его по волосам и быстро ушла на кухню.

– Когда лежишь, легче? – Олег присел к нему на постель.

Тимка слабо кивнул.

– Чем же тебя вчера угостили?

Тимка зажмурился, плечики его поползли вверх, сжимаясь.

– Пап, – виновато зашептал он, приоткрыв один глаз, – я просто уж-жасно хотел пить! А у тёти только кока-кола была... Па-ап? У меня что... у меня уже... печёнка растворилась?! – И синие глаза налились слезами по самые краешки.

– Кока-колу? Бэ-э! – Платон скривился, словно его затошнило.

Олег наклонил голову, чтобы скрыть непедагогичную усмешку. Когда Тошка был маленьким, все эти колы, фанты и спрайты вдруг заволокли ларьки и прилавки магазинов. Тошке они очень нравились. И однажды на дне рождения друга, отец которого как раз и держал ларёк, он так упился всеми этими заграничными газировками, что и теперь не может слышать даже их названий. А Олег с Ланой, наученные горьким опытом старшего сына, младшему с молодых ногтей внушили, что все эти напитки – яд.

– Сколько ты выпил? – деловито спросил Платон.

Тимка с надеждой посмотрел на старшего брата – в этих вопросах он считал Платона экспертом.

– Я... ну вот такая бутылочка была, ма-аленькая... А я отпил половинку...

– Ну-у... – тоном признанного авторитета протянул Платон. – Печёнка, может, ещё и цела, ты же не цыплёнок... Но организму вред все же нанесён. Да, пап?

Тимка тут же перевёл горящий надеждой взор на отца. Тот утвердительно кивнул. Платон тоже посмотрел на отца и снова заговорил:

– Голова, говоришь, кружится? И тошнит, наверное?

Тимка, начиная потихоньку плакать, опять кивнул.

– А не ушёл бы от меня без спросу, не пил бы у незнакомой тёти ядовитую колу – и всё было бы нормально...

– Я больше не буду! – прорыдал Тимка, глядя то на отца, то на брата отчаянно правдивыми глазами. – Никогда-никогда!

– Почему слёзы? – испугалась Лана, которая вошла в детскую со стаканом тёплого молока.

– Ничего страшного, мам, – успокоил ее Платон. – Покаяние блудного сына и брата.

– А-а, осознал, как плохо слушаться чужих! – моментально включилась Лана в воспитательный процесс. – А теперь пей молоко, это для тебя сейчас лекарство. Пей, не кривись!

– Да я пью, пью...

– Кока-кола, конечно, вкуснее, – съехидничал Платон.

Тимка сверкнул на него обиженным взглядом.

– Он теперь никогда с незнакомыми даже разговаривать не будет. Правда, Тим? – сказала Лана. – Ну, выпил? Давай стакан. А теперь расскажи, с кем и зачем ты вчера от Тоши ушёл.

– Мам, она сказала, что это игра такая, что мы Платошу разыграем, он удивится... – Голос его становился все тише, глаза осоловели. – А мы поедем домой, к маме и папе. Мы с Олегом и Ланой про это договорились – она так мне сказала... Вот. Они, ну, вы, ждуть... – Он зевнул. – Я спать хочу, можно?

– Спи, разбойник маленький. – Лана укрыла его одеялом, поправила подушку. – А мы пойдём позавтракаем с твоего разрешения.

Тимка пробормотал «угу» и засопел.

Ровно в 14:30 Олег набрал указанный в послании номер. Через три гудка ответил смутно знакомый мужской голос:

– Слушаю вас.

– Я Олег Камнев, – жестко сказал Олег. – И это я вас слушаю.

В трубке молчали, и Олег, с трудом удерживаясь, чтобы не начать выяснять, с кем говорит, молчал тоже. На него напали из-за угла, и он не будет кричать «караул!».

– Это вашего сына похитили вчера? – наконец прозвучал вопрос.

– Кому это знать, как не вам! Разве это сделали не вы или не по вашему приказу?

– Откуда вам известен этот номер?

– Послушайте! – взорвался Олег. – Вы же сами мне его эсэмэской прислали!

Собеседник снова поддержал паузу. И вдруг сказал:

– С вами, Олег Дмитриевич, говорит капитан Васильев.

Олега словно ударили по голове. Как такое получилось?

– По этому номеру больше не звоните. Вы сейчас дома?

Олег кивнул, забыв, что капитан его не видит. Но тот почему-то понял.

– Хорошо, никуда не уходите, я скоро у вас буду.

Из трубки раздались короткие гудки. Олег постоял несколько мгновений, пытаясь выстроить в ряд хаотично носящиеся в голове мысли. Ничего у него не получилось, и он пошёл на кухню. Лана делала перед собой вид, что моет посуду.

– Что? – нетерпеливо спросила она.

– Пока я ничего не понял. Сейчас явится вчерашний капитан Васильев. Я с ним говорил.

– Почему с ним? Ты же должен был звонить...

– Я и набрал тот номер. А ответил капитан.

Лана обессиленно прислонилась спиной к стене.

– Ничего не понимаю... Что же это такое, как ты думаешь?

Олег потёрся лбом о её лоб:

– Давай подождём. Что гадать?

Он отошёл к окну, открыл форточку, закурил и стал наблюдать за двором. День был хмурый и унылый. Конец ноября. Еще не зима, уже не осень. И сигарета какая-то невкусная...

К подъезду подкатил белый старенький «жигулёнок», из него вылез Васильев и открыл заднюю дверцу, выпуская еще кого-то.

– Приехали. Быстро как, – пробормотал Олег, торопливо гася сигарету в пепельнице.

В прихожей уже звенел домофон.

Пропустив в дверях худенькую женщину с усталым лицом, капитан пожал Олегу руку и слегка поклонился Лане.

– Мы обнаружили следы вашего сына... – заговорил было он, но Лана его прервала:

– К счастью, Тимка уже дома.

– Да?.. – Капитан помолчал, что-то соображая. Я надеюсь, у вас были веские основания не сообщать нам об этом?

Олег молча открыл свой телефон, вывел на экран вчерашнее сообщение и подал мобильник капитану. Тот прочитал.

– Кое-что становится ясным. Кое-что... – пробормотал капитан. – А трубочку у вас придётся забрать. Вещественное доказательство.

– Как вам будет угодно.

– Может быть, вы пройдёте в комнату, сядете и объясните, что происходит? – предложила Лана.

– Леночка, проходи, – снова пропустил молчаливую спутницу вперёд Васильев. – Наш криминалист Елена Звягинцева, – запоздало представил он ее, когда все уже были в комнате.

Елена кивнула и с видимым наслаждением опустилась в кресло. Васильев тоже с видимым наслаждением плюхнулся на диван, вытянул ноги и объяснил: – Мы с шести утра не при-сели.

– Тогда подождите немного, я принесу кофе и что-нибудь перекусить, – заботливо откликнулась Лана.

Капитан отрицательно покачал головой:

– Лучше тоже садитесь, и начнём.

– Мы не понимаем... – начала Лана, садясь на краешек своего рабочего кресла.

Васильев опять отрицательно покачал головой и впервые за время визита улыбнулся:

– Детективы смотрите? В таких случаях сыскарь говорит: «Вопросы буду задавать я». Так вот вам первый: кто и как вернул вам сына?

– Мы не знаем... – хором начали Камневы, глянули друг на друга, и Лана кивнула Олегу: говори.

– Мы не знаем, кто это был. Когда мы вернулись от вас, Тимофей спал глубоким сном у двери квартиры. И почти сразу пришло сообщение, которое вы читали.

– Ага... Очень интересно, да, Леночка? Ты когда-нибудь слышала, чтобы человека похищали, чтобы сразу вернуть?

– Нет, Эдуард Петрович, – вяло ответила Елена.

Лана внимательно посмотрела на нее и решительно встала.

– Прошу меня извинить, но ваш криминалист явно нуждается в подпитке. Мне плевать, – повысила она голос, упреждая реплики капитана и протесты Елены, – что там можно, а чего нельзя в вашем жанре. Я иду за кофе и всеми полагающимися к нему... атрибутами.

Демонстративно не слушая возражений, она повернулась и вышла из комнаты.

– Вот это излагает! – восхитился капитан. – Узнаю Светлану Камневу. Она и в статьях своих такая бойкая.

– Рад, что вы читаете нашу газету, – из чистой вежливости сказал Олег. В данный момент ему было совершенно безразлично, как относятся к его детищу эти люди. Слишком подозрительной была вся ситуация.

– Еще как читаем! – охотно откликнулся капитан. – По правде сказать, это единственная газета, которая не пачкает ни рук, ни мозгов, ни души.

Это было или очень искреннее заявление, или... что?

Вошла Лана, толкая сервировочный столик. Вообще-то этот предмет роскоши был любимой Тимкиной игрушкой, но сейчас с честью нес службу по своему прямому назначению. Лана установила его так, чтобы всем было удобно брать чего душа пожелает, налила в одну из чашек кофе, щедро добавила сахару и молча протянула чашку Елене. Произвела те же манипуляции со второй чашкой и подала ее капитану. Потом поднесла каждому из них тарелку с бутербродами.

– Спасибо, Светлана Платоновна, это было и впрямь необходимо, – неловко сказал капитан, прожевав первый кусок.

Елена только благодарно покивала. Ее лицо на глазах разгладилось, порозовело, и оказалось, что она совсем молоденькая и очень симпатичная.

– Ну, – сказал Васильев, когда кофе был выпит. – За щедрость еще раз благодарим, а вопросы задавать всё равно будем. Скажите, господа Камневы, подозреваете ли вы кого-нибудь в похищении сына?

– Нет, – хором ответили они.

– А вы подумайте, полистайте подшивки, может в них имя врага обнаружите?

– Но мы никогда не публикуем непроверенных и не подтверждённых документально фактов.

Капитан с иронией поднял бровь:

– Вы думаете, от этого вашим героям легче?

– А им должно быть легче? – в тон ему ответила Лана, присаживаясь на подлокотник кресла, где сидел Олег.

– Покажи-ка фотографии, – попросил Васильев Елену.

Та, повозившись с цифровым аппаратом, протянула его Камневым. На экране была женщина. Тело ее расслабленно сползло вниз с сиденья машины, голова свесилась на плечо, в открытых глазах застыл ужас.

– Она... мёртвая? – тихо спросил Олег.

– Да. Убита. Обнаружена сегодня дворником у дома номер шесть по улице Каретной. Это совсем недалеко от вашего дома... – Капитан не сводил с Олега пристального взгляда. – Ну так как, знакома она вам? Или вам? – посмотрел он на Лану.

– Нет, я ее не знаю, – ответил Олег.

– Я ее тоже не знаю. Почему вы у нас это спрашиваете? – удивилась Лана.

– Потому, что в машине, где она была убита, мы нашли шапку и варежки, по описанию похожие на вещи вашего ребёнка. Лена, покажи.

Елена, порывшись в большой сумке, вытащила два прозрачных запечатанных полиэтиленовых пакета и протянула их Камневым.

– Только через пакет смотрите, – остановила она Лану, которая уже собралась открыть упаковку.

– Да, это Тимкина шапка. И варежки тоже! – сказала Лана взволнованно. – Значит, убитая – та женщина, которая увела Тимку?

– Можно предположить это. Мы нашли в машине еще бутылку с остатками кока-колы, на ней Лена выявила отпечатки и говорит, что это детские пальчики. Да, Леночка?

Девушка утвердительно кивнула и добавила:

– Вы теперь понимаете, что нам необходимо с вашим ребёнком и поговорить, и пальчики его откатать.

Олег нахмурился и недовольно сказал:

– Парень никак не отоспится от того зелья, что ему в газировке преподнесли.

– Мы постараемся как можно скорее определить, какое средство они применили, – пообещала Елена.

– Так мальчик еще спит? – спросил капитан.

Лана встала:

– Я пойду его разбужу. Надеюсь, вы не будете демонстрировать ему ту фотографию?

Капитан возмущённо округлил глаза, и в это время, словно по заказу, в проёме двери появился зевающий во весь рот Тимка.

– Мам, я голодный, – заявил он и тут увидел незнакомых людей. – Ой!

– Ты-то нам и нужен. Здравствуй, Тимофей Олегович, – протянул ему руку капитан.

– драсте... – утопил свою ладошку в его руке Тимка.

– Мы тебя, мужик, всю ночь искали, а ты, оказывается, дома почивать изволил?

– А я не знал, что я дома. Я в машине спать ка-а-к захотел, а потом уже проснулся – а я здесь! А вы сыщик?

– Можно сказать и так, – засмеялся Васильев. – А скажи мне, Тимофей Олегович, как звали ту тётю, с которой ты от брата удрал?

Тимка виновато потупился.

– Я не знаю. Я глупо поступил. Я когда в машину сел, сразу выйти хотел... – Он поднял взгляд на капитана. – Мне Платошу жалко стало. А тётенька... она сразу как разозлилась! Она дяде за рулём как закричит: «Давай трогай быстро!» Я заплакал...

Тимка пристыженно опустил голову.

– Как излагает, а? – снова восхитился капитан, теперь уже Тимкой. И тут же объяснил сам себе: – А что тут странного? Гены! – И вынул из нагрудного кармана фотографию. – Тимофей, эта тётя была?

Лана испуганно охнула и ловко выхватила снимок из руки Васильева. С него кокетливо смотрела не очень молодая женщина, большеглазая, с крашеными светлыми волосами.

– Извините, – пробормотала Лана, отдавая капитану фотографию. Тот укоризненно покачал головой и снова протянул ее Тимке.

– Ага, это та тётенька, она в машине шапку сняла и стала на эту фотку похожа.

– А вот теперь и вы посмотрите. – Васильев отдал фотографию Олегу, опять пристально наблюдая за его реакцией.

– Нет, не знаю, – рассмотрев снимок, сказал тот.

– Ну, нет так нет, – вздохнул капитан, пряча фото обратно в карман. – Тим, ты говоришь, за рулём дядя был. А его ты узнал?

– Не... я его лица вообще не видел. Он же рулил! – объяснил бестолковому капитану Тимка.

– Ах, да, конечно, за рулём надо быть очень внимательным, тут ты прав. И куда рулил этот дядя?

– Тётя сказала, что мы ко мне домой поедem, меня будто мама и папа ждут. А сами все ездили и ездили. И она ему еще говорила: что ты кружишь, сворачивай за город! А дом наш рядом с «Лакомым кусочком»... Мамочка, я так есть хочу!

Лана вопросительно посмотрела на капитана:

– Он утром только молока выпил, а сейчас уже...

– Ой, подождите, мы сначала быстренько его пальчики снимем, – засуетилась Елена, доставая из сумки всё нужное для процедуры и сочувственно поглядывая на Тимку.

– Что, прямо как у преступника отпечатки брать будете? – охотно протягивая Елене ладошки, спросил Тимка.

– Какое поколение криминально грамотное растёт! – засмеялся капитан.

Ему очень нравились и Тимка, и Лана, и Олег, и их дом, совсем не шикарный, как можно было бы предположить, но такой уютный. Но совсем не нравилось капитану с королевским именем Эдуард и царственной фамилией Васильев, совсем не нравилось этому ценителю слова то, что знал только он. Он один.

Глава 6

Был седьмой час вечера, в редакции стояла тишина. Олег с повышенным вниманием вычитывал готовые полосы перед тем, как написать на них «В печать!» и поставить свою подпись. От этого занятия его отвлёк телефонный звонок.

– Олег Дмитриевич Камнев? Следователь Приходько беспокоит. Мне необходимо с вами побеседовать.

– Хорошо, я буду у вас через... – Олег окинул взглядом фронт работ. – Через полтора часа. Вас устраивает?

– Вполне. Кабинет номер пять.

В условленное время Олег сидел в кабинете, стены которого скупой украшали настенные часы да портрет президента.

Следователь Приходько встретил его без улыбки и без рукопожатия. Сухо кивнул из-за своего помпезного стола, указал рукой на единственный стул.

– Сразу скажу: отпечатки на бутылке с кока-колой принадлежат вашему сыну, в напиток подмешано снотворное. Само по себе не опасное, но доза там большая, хорошо, что мальчик не допил. Все данные говорят за то, что вашего сына везли на машине, в которой обнаружили труп женщины. Можно предположить, что именно она выманила его из кафе, тем более что мальчик уверенно опознал ее по фото.

Всё это, даже фразу «хорошо, что мальчик не допил», следователь произнёс монотонно, словно молитву прочитал. Олег молча ждал продолжения.

– Посмотрите на фотографию. – Приходько перевернул один из снимков, лежащих перед ним изображением вниз, и придвинул ближе к Олегу. – Вы узнаете эту женщину?

Олег удивлённо посмотрел на следователя:

– Я узнаю фотографию, поскольку Васильев мне ее уже демонстрировал. Я и ему сказал, и вам повторяю: женщину эту я не знаю.

Приходько нахмурился, перевернул и придвинул ему другую фотографию.

Олег посмотрел.

– И это фото мне знакомо. Такое же недавно прислали мне по почте.

– Вы узнаете женщину?

– Нет.

Приходько фыркнул и с презрением в голосе спросил:

– Но ведь это вы с ней... кувыркаетесь?

Олег внимательно посмотрел на сидящего против него человека. Он не только сидит напротив – он почему-то вообще... против него.

– На фото действительно я, но женщина мне незнакома.

Приходько не мигая уставился на Олега, странно кривя рот то в одну, то в другую сторону.

«Глаза как у снулой рыбы, – брезгливо подумал Олег. – И рот как-то странно дёргается. Тик у него, что ли?»

Если бы он не был так настроен, Олег рассказал бы ему, что они с женой поняли про эти фотографии. А этому... нет, этому рассказывать ничего не хотелось.

– Вот что я думаю, Олег Дмитриевич, – заговорил следователь, всё так же не сводя с него глаз. – Эта убитая дама не только вам знакома – она ваша любовница. – Его губы снова дёрнулись справа налево. – Она украла вашего сына, скорее всего, чтобы за что-то – вам лучше знать, за что! – наказать вас. – Он резко подался вперёд, налёг грудью на стол, приблизив своё лицо очень близко к лицу Олега. – И вы ее... убили. Я вас задерживаю. До выяснения обстоятельств.

Следователь удовлетворённо, как-то сыто откинулся в кресле и с торжеством уставился на Олега рыбьими глазами. Даже странно, какое торжество могут выражать рыбы глаза...

* * *

С самого детства Лане время от времени снился один и тот же сон: будто она упала в какую-то расщелину между скал, похожую на колодец, и эту расщелину медленно заполняет вода. Лана пытается карабкаться по скале, но она такая гладкая – не уцепишься. «Ничего, сейчас меня вода поднимет», – думает Лана, но вдруг наверху раздаётся ужасный грохот и наступает темнота. Лана понимает, что оказалась в ловушке, словно мошка в закрытой кастрюле. А вода всё прибывает... Лана всегда в ужасе просыпалась в последний момент, когда неизбежно должна была захлебнуться. «Надо сердечко проверить», – озабоченно сказала мама, когда Лана рассказала ей этот сон. Проверили – сердце оказалось в полном порядке. Но сон, с лёгкими вариациями, нет-нет да и приснится.

Зная, что Олег ушёл на встречу со следователем, Лана ждала его, сначала спокойно, потом всё больше волнуясь, до тех пор, пока не уложила мальчишек спать. Потом не выдержала и позвонила в милицию, и там ей сказали, что Олег задержан.

– За что?! – крикнула она в трубку.

– Не имеем права говорить, – равнодушно ответили ей и прервали связь.

Вот тут на нее и обрушился ужас, до этой минуты знакомый только по снам.

Всю ночь она проворочалась на перекрутившейся простыне, несколько раз вставала, тихонько прокрадывалась па кухню, чтобы выпить воды... корвалола... даже курить пробовала, но с отвращением потушила едва зажжённую сигарету. Еле выдержав до шести утра, встала, приняла контрастный душ и... начала прибирать квартиру – только бы отвлечься.

К половине восьмого она уже навела порядок везде, кроме детской, только пылесос не включала, приготовила завтрак и пошла будить мальчиков, стараясь, чтобы традиционный напев: «Мальчишки, подъём!» – звучал бодро и весело.

Но в комнате мальчиков уже горел ночник, и с постелей на нее смотрели совсем не сонные глаза – два синих глаза сверху, два синих глаза снизу. Все-таки разбудила их ее возня по дому! Или они что-то почувствовали?

– Мам, что случилось? – хором спросили они.

Значит, почувствовали...

– Ничего, всё нормально, – спокойно ответила Лана и поторопила ребят: – Скорее собирайтесь, а то завтрак стынет!

За завтраком Лана пыталась быть такой, как всегда, – весёлой и спокойно-заботливой, но, честно говоря, это плохо получалось. Платон молча и быстро проглотил немного каши, отхлебнул чаю и, пробормотав неразборчиво: «Спасибо, мам, мне надо...», почти убежал из кухни. Тимка сосредоточенно строил в каше арыки и смотрел, как они опять зарастают.

– Мам, а почему папа дома не ночевал? – не отрываясь от своего занятия, спросил он задумчиво.

– Интересно, Тимоша, почему ты не ешь такую полезную кашу? – словно не слыша его вопроса, строго сказала Лана. – Совсем мой труд не ценишь?

Тимка вскинул на нее виноватые глаза:

– Мамошка, я ценю! – и начал торопливо глотать уже остывшее варево.

– Не торопись, что ты, мой хороший! – испугалась Лана.

Но сын уже справился с кашей и взялся за сок.

– Ма, я пошёл, – заглянул в кухню Платон.

– Нет, Тоша, поедем на машине все вместе. Мне будет спокойнее.

– Ура! Мы опять с братом поедем! – обрадовался Тимка.

А Платон нахмурился. Обхохочутся в школе – Платона Камнева маменька в школу возит, как мелкого...

* * *

В коридоре редакции Лане встретила секретарша Ниночка.

– Здравсьте! А шеф приехал?

Лана начала что-то искать в сумке, чтобы спрятать глаза.

– Привет, Ниночка, ты на сегодня отмени, пожалуйста, все встречи, Олега некоторое время не будет...

– Как это? – ахнула секретарша. – А в мэрию кто пойдёт? Там в девять тридцать начинается...

– Пусть идёт Борис Викторович, – торопливо ответила Лана, скрываясь за дверью своего отдела.

Нина поглядела ей вслед растерянно, пробормотала: «Во дела!» – и пошла к заму.

Лана, очутившись у себя, бросила в пространство «Доброе утро», включила компьютер, не отрывая глаз от монитора, пристроила на вешалку куртку, вывела на экран начатую в пятницу статью. Пусть думают, что по дороге ее озарила какая-то мысль и она боится ее потерять... Только бы с ней никто не заговорил... Горло разъедали – аж шипели! – сдерживаемые слёзы, сердце то замирало, то начинало трепыхаться, как тот птенец, которого она однажды подняла и держала в ладонях, соображая, как же вернуть его в гнездо.

В комнате, впрочем, был только практикант Сергей, что-то тихонько кропавший за своим компьютером. Он встрепенулся при появлении Ланы и очень удивился: где ее обычные энергия и приветливость? Что-то не так...

Сегодня ей не тридцать с хвостиком, а намного больше. Она похожа сейчас на его маму в те дни, когда она уже заболела, но никто этого еще не понял... У Сергея защемило в груди.

Шумно протопала по коридору и ворвалась в комнату Татьяна, крикнув: «Хай, коллеги!» Лана, не оборачиваясь, помахала ей рукой. Что-то бурно обсуждая на ходу, вошли Саша с Костиком... «Господи, я не выдержу!» – панически думала Лана, гоня несчастный текст вверх-вниз. Снова приоткрылась дверь, и голос Ниночки позвал:

– Лана! Тебя дядя Боря просил зайти.

– Да-да, сейчас, – торопливо ответила она, закрывая файл. – Иду.

Борис Викторович нервно слонялся по коридору вблизи приёмной. Увидев Лану, нелепо взмахнул рукой, а когда она подошла, уцепил за локоть и повёл в свой маленький кабинет.

– Садись-ка, садись, – подвёл он ее к старому креслу, сработанному еще в семидесятые годы прошлого века, и крикнул: – Ниночка, чаю нам сделай! Сладкого!

Сел во второе такое же кресло, побарабанил пальцами по облезлой столешнице тонконового журнального столика, суетливо зашарил по карманам заслуженного твидового пиджака. – Я закурю, разрешишь?

Лана кивнула, не поднимая глаз. Не могла она сегодня ни на кого смотреть! В поле ее зрения были руки старенького зама, и эти руки дрожали, разминая сигарету и щёлкая зажигалкой.

– Видишь, какое дело, – начал он фразой, которая мелькала в его речи, только когда он сильно волновался. – Я сейчас был в мэрии, и мне там сказали, что Олега... задержала милиция. Кулагин говорит – его в убийстве подозревают? А?!

Лана пружиной взвилась из кресла.

– Как в убийстве?! В каком еще... – и рухнула обратно в кресло.

– Тише, тише, доченька, не надо так, услышат... – испугался Борис Викторович. Кинулся к двери, распахнул ее и сердито закричал: – Нина! Сколько можно чай ждать?!

– Сейчас будет! – откуда-то из глубины коридора откликнулась секретарша.

– Слава богу, не слышала, – пробормотал Борис Викторович. – Ланочка, ты как? Ты этого не знала, девочка моя?

– Я знала только... – начала Лана, но в это мгновение в кабинет влетела Ниночка.

– Борис Викторович, что же происходит? Мне сейчас Клара газету «Параллель» сунула, почитай, говорит, что про вашего редактора пишут... Ужас! Ой... – Она увидела Лану, закрыла рот ладонью и виновато вытаращила глаза. – Извини, забыла, что ты здесь...

– Иди-иди, Нина, своё дело ты уже сделала, с досадой сказал Борис Викторович, отбieraя у неё газету и быстро сворачивая ее трубочкой. И совсем другим, ласково-заискивающим тоном обратился к Лане: – Сейчас Витя тебя домой отвезёт, хорошо?

Но Лана, протянув руку, решительно потребовала:

– Дайте мне газету.

– Нет, лучше...

– Дайте.

– Не надо тебе это читать!

– Борис Викторович, не смешите меня. Я сейчас пойду и куплю такую же. Что вы мне хвост по кусочку рубите?

– Да бери, бери, ещё чего не хватало – на эту гадость деньги тратить, – сдался зам.

Лана развернула скатанную в тугую трубку газету. Аршинные буквы на первой полосе: «РЕДАКТОРА “Объектива” ЗАКРЫЛИ». Вторую полосу заняла статья под названием «Объективно об «Объективе». Она была щедро расцвечена фотографиями Олега: с семьёй, с коллегами, в кругу власть предержащих... Было здесь и фото Стечкина. «Спасибо, хоть порноснимка не поместили», – подумала Лана, бегло читая текст. В начале статьи были реальные факты: похищение Тимки, убитая женщина, оказавшаяся той самой похитительницей... А дальше корреспондентша «Параллели», всегда такая приветливая с Ланой, со сладострастным удовольствием повествовала о том, что при осмотре квартиры потерпевшей были найдены фотографии, на которых она (потерпевшая) заснята в момент соития с О.К. У следствия есть версия, что потерпевшая была любовницей О.К., что, совершив киднеппинг, она за что-то ему мстила, а он ее за это смертью покарал... И это было еще не всё. Дальше говорилось, что газету свою О.К. создал на грязные деньги колбасного олигарха Павла Стечкина (фото прилагается) и все якобы объективные статьи публикуются в этом издании после того, как их щедро оплатят враги тех, о ком статьи написаны. Не удивительно, что О.К. с чадами и жёнушкой обитают в пятикомнатных апартаментах. (Хм... Это не совсем так. Квартиру, которая числилась как одна, а на самом деле состояла из двух, между которыми просто прорубили отверстие и поставили дверь, им «сдал» Павел. Но они занимают трехкомнатную, а двухкомнатная стоит, закрытая с обеих сторон, и ждет приездов хозяина.) Это не считая большой квартиры в Подмосковье! (Что есть, то есть.) А еще его семья владеет двумя автомобилями иностранного производства! (И здесь не соврали: у Олега «форд» 93-го года, а ей отец, который давно уже в Париже живёт и вообще востребованный художник, «пежо» подарил как раз четыре года назад.)

Лана бросила газету на стол, брезгливо вытерла руки о джинсы и посмотрела на Бориса Викторовича.

– Вы это уже читали, – утвердительно сказала она.

– Ты же знаешь, «Параллель» всегда брешет, как сивый мерин!

– Брешут кобели, мерины ржут, – усмехнувшись, поправила Лана. Она почему-то совсем успокоилась и уже не прятала глаз.

В дверь робко заглянула Ниночка:

– Лана, тебе звонят... из милиции.

– Так переведи сюда звонок! – взъярился Борис Викторович.

Ниночка, испуганно вытаращила глаза, быстренько захлопнула дверь и из-за нее виновато пропищала:

– Уже перевожу...

Звонил следователь Приходько, назначил Лане встречу в своём кабинете № 5 «на двенадцать дня». Она глянула на часы: пора ехать.

– Витя тебя отвезёт, – сказал зам.

– Я на своём «автомобиле иностранного производства», – хмуро сказала Лана.

– Давай я с тобой поеду? – предложил Борис Викторович.

– А кто в лавке останется? – старательно улыбнулась Лана.

Борис Викторович облегчённо вздохнул:

– Ну, вот и молодец, так и держись. Я сейчас твои вещи принесу.

На лестнице ее догнал Саша, подхватил под руку.

– Ничего не говори. Я с тобой.

Она кивнула. С ним и правда легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.